

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Яков Васильевич Абрамов](#)

-
- [Введение](#)
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Источники](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Яков Васильевич Абрамов

Василий Каразин. Его жизнь и общественная деятельность

*Биографический очерк Я. В. Абрамова
С портретом В. Н. Каразина, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Введение

Огромнейшему большинству нашего образованного общества Василий Назарович Каразин неизвестен даже по имени. Здесь мы имеем один из самых выразительных примеров несправедливости истории. В то время как от эпохи, в которую жил В.Н. Каразин, в памяти потомства остались имена множества ничтожных людей, которые сделались историческими деятелями исключительно в силу каких-либо случайных причин, не имевших никакого отношения к их личным качествам, и, нашумев на исторической сцене, в сущности прошли совершенно бесследно для жизни русского общества и русского народа, – личность, выдающаяся во всех отношениях своими блестящими качествами, человек, стоявший по научным познаниям и идеям на целый век впереди своего времени, деятель, оставивший глубокий след в русской жизни, образец необычайной нравственной высоты, смелости и прямоты, совершенно неизвестных в тех сферах, в которых он вращался, человек, смело говоривший царям правду, которая до сих пор не может увидеть света иначе, как с пропусками и урезками, – такой человек остается полностью забытым для общества. В любой европейской стране такому человеку давно был бы поставлен памятник, его имя стояло бы на надлежащем месте в истории, его личность, мнения и деятельность послужили бы предметом многочисленных исторических работ, его биография, наконец, сделалась бы настольною книгою каждого гражданина. У нас же даже имя этого человека неизвестно. В самом деле, многие ли из читателей настоящей книги могут сказать, что они не то что имеют какое-либо понятие о В.Н. Каразине, но хотя бы слышали его имя? Увы! Таких найдется немного...

Но что говорить о массе общества, когда наши присяжные историки до сих пор оставляют личность В.Н. Каразина в совершенном пренебрежении. Не странно ли, в самом деле, что мы доселе не имеем мало-мальски связного биографического очерка, хотя бы чисто внешнего, посвященного этой замечательной личности. Чьих только биографий мы не имеем? В.Н. Каразин, оказывается, до сих пор не заслужил чести иметь хоть кое-какую биографию ни как ученый, ни как общественный деятель, хотя в обоих отношениях он представлял собою выдающееся явление. Этого мало. Игнорирование историками В.Н. Каразина идет еще далее. В известном капитальном труде А.Н. Пыпина «Общественное движение при Александре I» совсем не упоминается даже имени В.Н. Каразина, хотя он, как увидит

читатель из настоящей книги, играл весьма крупную роль в период развития просветительских и освободительных стремлений Александра I. Такая несправедливость историков по отношению к В.Н. Каразину станет еще более обидной, когда мы примем во внимание, что в единственном историческом исследовании, в котором уделено большее или меньшее внимание В.Н. Каразину (В.И. Семевский. Крестьянский вопрос в России. Спб., 1888 г.), он представлен в довольно неблагоприятном свете. Его попытка облегчить участь своих крестьян выставлена чуть ли не своекорыстным делом, а история, из-за которой он попал в 1820 году в Шлиссельбургскую крепость, изложена в том смысле, что В.Н. Каразин предлагал себя едва ли не в добровольные шпионы правительству. Читатель убедится из нашего очерка, насколько несправедливо такое отношение историка к этой замечательной личности.

Составить полную, обстоятельную биографию В.Н. Каразина, при тех материалах, которые имеются в печати в настоящее время, невозможно. О личной жизни Каразина мы, можно сказать, не имеем никаких данных. Даже относительно его общественной деятельности данные слишком часто отрывочны и неполны. Тем не менее, свод и тех данных, которые уже опубликованы, рисует перед нами глубоко симпатичную и выдающуюся во всех отношениях личность и дает возможность несколько пополнить пробел, существующий в исторических работах, посвященных эпохе, в которую жил В.Н. Каразин.

Приступая к составлению настоящего очерка, мы не задавались целью создать так называемый «солидный труд». Подобная работа выходила бы за пределы нашей задачи и не соответствовала бы рамкам, поставленным для целого издания, в которое наш этюд входит как часть. Мы имели в виду лишь дать популярный, биографический очерк человека, столь несправедливо забытого нашим обществом и нашей историческою наукой, и тем привлечь их внимание к этой оригинальной личности и видному деятелю нашей прошлой жизни.

При нашей работе мы пользовались исключительно печатными источниками. Есть много указаний на материалы для биографии В.Н. Каразина, хранящиеся в правительственных и частных архивах. В «Украинской старине» Г.П. Данилевского говорится о многотомных «Записках» В.Н. Каразина, которые предполагалось издать еще в 60-х годах, но которые доселе не появились на свет. Тот специалист-историк, который рано или поздно возьмется за составление полной биографии В.Н. Каразина, без сомнения, соберет все эти рукописные материалы и, пользуясь ими, даст нам жизнеописание этого замечательного человека,

вполне достойное его выдающихся качеств и своеобразной роли, сыгранной им в русской жизни.

Глава I

Происхождение В.Н. Каразина. – Его воспитание и первые годы жизни до попытки бежать за границу при Павле I. – Попытка бегства, арест, письмо императору Павлу и освобождение. – Служебные занятия

О детстве Василия Назаровича Каразина не сохранилось решительно никаких сведений. О юношеских годах его имеются только отрывочные известия.

По происхождению Каразин был грек или серб. Сам он, по-видимому, считал себя сербом. Так, по крайней мере, он говорит в записке, представленной в 1804 году князю Чарторыйскому по поводу сербского восстания, – записке, о которой мы будем говорить далее. Но едва ли не вернее считать его предков греками. Это была дворянская фамилия Караджи. Семейство Караджи переселилось в Россию при Петре I. Родоначальник этого семейства, Григорий Караджи, был архиепископом г. Софии, нынешней столицы Болгарии. Он был прадедом Василия Назаровича Каразина. Дед последнего, Александр Григорьевич, умер капитаном русской гвардии. Сын его, Назар Александрович Каразин, также служил на военной службе, был в 1767 году, перед началом турецкой войны, представлен Екатерине II как опытный инженерный офицер и получил поручение отправиться секретно в Турцию для снятия планов крепостей. Исполняя это поручение, он был пойман в Адрианополе и едва избежал участи быть посаженным на кол, успев убежать из заключения. В Россию он вернулся не только со сведениями, которые ему было поручено добыть, но еще с 3 тысячами арнаутов, оставивших Турцию. Сделанный начальником этих арнаутов, Назар Каразин пошел с ними во главе русской армии, выступившей против турок; в 1768 году напал на Бухарест, выгнал оттуда турецкое войско и пленил валахского господаря Григория Гику с братом, сыном и придворными; в 1770 году подвергся нападению 7 тысяч турок близ Бухареста, причем почти все его арнауты пали и он спасся всего с несколькими человеками. В то время он уже был полковником. В этом чине он и вышел в отставку, получив в награду от Екатерины населенные имения в Харьковской и Московской губерниях. Женат он был на дочери сотника Харьковского полка, Ковалевского.

Эти, пусть чересчур краткие, сведения о происхождении и предках

В.Н. Каразина дают, однако, право заключить, что те стремления и идеи, которые обнаруживал впоследствии этот замечательный человек, были даны ему всего менее его семьей. Единственное, что могла внушить ему семья, это стремление к военной службе, обнаружившееся в Каразине, как увидим сейчас, еще тогда, когда он был ребенком, но ослабевшее и вытесненное совсем другими стремлениями, лишь только он стал жить сознательною жизнью.

Родился Василий Назарович Каразин 30 января 1773 года в имении отца, селе Кручик, Краснокутского комиссариатства, теперь Богодуховского уезда Харьковской губернии.

Первоначальное воспитание он получил сперва в Кременчугском, а затем в Харьковском частных пансионах. Во время пребывания в последнем, будучи 11-летним ребенком, Каразин, во время проезда через Харьков графа Румянцева-Задунайского, явился к нему и заявил о своем желании поступить на военную службу. Отец его в это время только что умер, и Румянцев, знававший Назара Каразина, отнесся внимательно к его малолетнему сыну, причем, по обычаю того века, записал ребенка в кирасирский орденский полк, шефом которого был сам.

В чем состояло ученье Каразина в пансионах, нам неизвестно. Содержатели пансионов были, по-видимому, люди весьма почтенные и влияли на своего питомца благотворно. Каразин впоследствии вспоминал о них в теплых выражениях.

Каразину не было еще и 18 лет, когда он поступил на действительную службу сержантом в лейб-гвардейский Семеновский полк. Служба тогдашних гвардейцев оставляла им много свободного времени; вместе с тем им было предоставлено вообще много свободы. Каразин воспользовался этими обстоятельствами для того, чтобы получить серьезное высшее образование и ознакомиться с Россией. Вскоре он и совсем вышел в отставку, чтобы иметь больше возможности заниматься наукой. К тому же военная служба мало гармонировала с его характером и стремлениями. Он регулярно посещал лучшее из тогдашних наших высших учебных заведений – горный корпус и здесь, под руководством профессоров и самостоятельно, приобрел столь обширные познания по всем важнейшим отраслям естествознания, что они служили впоследствии предметом изумления, а порою и зависти для специалистов. Химия, физика, ботаника, метеорология – в этих областях естествознания он чувствовал себя как дома, насколько это было возможно при тогдашнем развитии естественнонаучных знаний. Медицинские познания составляли также предмет его пристрастия. Математическая «подкладка» лежала в

основе его образования. Он прекрасно знал также языки латинский, немецкий и французский. Рано начав интересоваться общественными вопросами, Каразин ознакомился со всем важнейшим, что тогда имелось во всемирной литературе по этим вопросам. Но главным предметом его занятий в первый период жизни, как и позднее, в период долгого пребывания в деревне, было естествознание. Ниже мы увидим, какое важное значение придавал он естественным наукам. Теперь же сделаем еще несколько замечаний о тогдашних занятиях Каразина. Вероятно, именно в это время ему пришлось ознакомиться со Священным Писанием, знанием которого он впоследствии иногда щеголял. Чтобы пополнить свое образование, Каразин решился ознакомиться с состоянием своего отечества и для этого совершил путешествие по России, объездив многие губернии.

Мы упомянули, что Каразин рано начал интересоваться общественными вопросами. Впоследствии мы увидим, каковы были его взгляды на важнейшие явления общественной жизни. Здесь же заметим, что даже значительно позднее, когда горький опыт должен был бы многому научить и умудрить Каразина, он оставался крайним идеалистом. Собственно говоря, он оставался идеалистом, равно как и пылким энтузиастом, до самой своей смерти. Можно представить себе, какое впечатление должны были производить на молодого идеалиста и энтузиаста порядки, наступившие при восшествии на престол императора Павла. Тот панический ужас, который охватил тогда все общество, особенно сильно подействовал на впечатлительного Каразина. Под влиянием этого ужаса он вышел в отставку и решился уехать за границу. По указу Павла, паспорта для заграничных поездок выдавались только по высочайшему повелению. Каразин обратился с просьбою к императору о дозволении ему ехать за границу, причем назвал в качестве цели своей поездки желание учиться. Желание это, конечно, всего менее было понятно Павлу и не заслуживало ни малейшего уважения в его глазах, а скорее должно было сделать Каразина подозрительным в глазах государя, воспретившего ввоз из-за границы всех книг и решившегося отделить Россию от Европы своего рода китайской стеной. Само собою разумеется, что на свою просьбу Каразин получил отказ, и тогда он задумал просто бежать за границу. Это оказалось, однако, не так-то легко привести в исполнение, потому что Павел, воспретив своим подданным выезд за границу, оцепил ее войсками и наш беглец был схвачен на границе разъездом драгун и доставлен арестованным в Ковно. Каразин хорошо понимал, какая участь его ожидает. К этому времени царствование Павла уже ознаменовалось целым рядом деяний, не оставлявших для Каразина

никакого сомнения в том, что ему не избежать позорной «кобылы». И вот, находясь в таком положении, беглец пишет из-под ареста Павлу письмо, которое представляет собою любопытнейший образчик обращения бессильного узника к всемогущему повелителю. Указав на то, что он – преступник «не противу чести, совести, религии и отечественных законов», а только против «повелений» императора Павла, и что лично он «не имел никакой нужды спасаться бегством», которое будет «загадкою» для его следователей, Каразин объяснил причину своего бегства в следующих выражениях:

«Я желал укрыться от твоего правления, страшась его жестокости. Многие примеры, разнесенные молвою на пространстве царства твоего, молвою, вероятно, удесытеренные, грозили моему воображению день и ночь. Я не знал за собою вины. В уединении сельской жизни не мог я иметь ни случаев, ниже поводов оскорбить тебя; но свободный образ моих мыслей мог быть уже преступлением...»

Павлу, конечно, не часто приходилось получать подобные письма; вернее, ему в первый и едва ли не последний раз пришлось услышать такое категорическое обвинение в жестокости, которая заставляла и людей невинных страшиться за свою участь. Он был поражен и, подвергая за гораздо меньшие вины людей смертной казни или ссылке, на этот раз не только не подверг никакому наказанию дерзкого подданного, но еще и захотел показать ему свою милость. Он потребовал Каразина к себе и, когда того привезли, сказал ему: «Я докажу тебе, молодой человек, что ты ошибаешься! Скажи, при ком ты хочешь находиться?» Хотя Каразин и не изъявлял желания служить при ком-либо, но, очевидно, в это время было не до противоречий, и он указал на одного из тогдашних сановников, окружавших Павла, – Трощинского. К последнему он и был определен на службу. В формуляре его по этому поводу значится: «Произведен при определении, по высочайшему повелению, к статским делам, в канцелярию государственного казначейства и главного медицинской коллегии директора, коллежским переводчиком».

Попад при таких необыкновенных обстоятельствах на службу, Каразин имел возможность избрать для себя занятия по своему выбору. Он выразил желание и получил разрешение работать в архивах – иностранных дел и разрядного – в Петербурге и Москве для собирания материалов по истории России вообще и в особенности истории финансов и медицины. По-

видимому, материалы эти, переданные Каразиным государственному казначею, не получили никакого употребления, но за соби́рание их Каразин получил чин коллежского асессора.

Глава II

Восшествие на престол Александра I. – Первое письмо Каразина к молодому императору. – Приближение Каразина к Александру I. – Министерство народного просвещения. – Политические воззрения Каразина. – Благоволение к нему Александра I. – Секретные поручения

В 1801 году совершились известные события, прекратившие царствование императора Павла и возведшие на престол Александра I.

Конец царствования Павла был крайне мрачен; жизнь общества была совершенно сдавлена; безопасность каждого сделалась до того необеспеченною, что перемена царствования, невзирая на средство, которым она была произведена, вызвала общую радость. Едва ли оставался человек, не исключая даже лиц, наиболее приближенных к покойному императору, который не был бы обрадован прекращением невыносимого положения вещей, распространившегося особенно в последний период царствования Павла. В эту печальную эпоху никто, ложась спать, не был уверен в том, что он встанет с постели по своей воле, а не по воле грубого насилия, и что ему не придется на другой день отправляться в Сибирь или идти на эшафот. Дело доходило до того, что гвардейские офицеры всегда носили с собою запас денег, чтобы не быть застигнутыми врасплох, когда им неожиданно прикажут садиться в телегу и отправляться в сибирские тундры. Короткое царствование Павла было преисполнено арестами, разжалованиями, ссылками, казнями на площадях, и все это почти всегда обрушивалось на людей, совершенно ни в чем не повинных, оговоренных, вызвавших гнев монарха каким-нибудь мелочным несоблюдением субординации и странного, введенного Павлом, этикета, или просто показавшихся чем-либо подозрительными. Это был тяжелый, мучительный кошмар, тяготевший над всеми и каждым и не дававший буквально никому вздохнуть свободно. Дело дошло до того, что даже наследник престола, будущий император, оказался под подозрением и должен был дрожать за свою участь. Что же удивительного после этого, если прекращение такого ужасного положения вещей вызвало общие горячие ликования? Общество почувствовало себя освобожденным от тяжких уз и беззаветно отдалось радости, вызванной чувством избавления от грозной опасности и тысячи мелочных и нелепых стеснений (вроде запрещения известного рода

экипажей, круглых шляп, сапог с отворотами, прически а *la Titus*, запрещения употребления некоторых слов^[1] и т. п.), несоблюдение которых могло, однако, сгубить жизнь человека. Общая радость была так велика, что увлекла даже людей вроде Державина, который неожиданно для всех разразился стихами, выразившими тогдашнее настроение общества.

Общее ликование было вызвано не только прекращением ужасного режима, но и восшествием на престол личности с такими качествами, какими отличался молодой Александр I. Конечно, современники событий, о которых мы говорим, в силу контраста, представлявшегося личностями Павла и Александра, могли быть склонными преувеличивать прекрасные качества последнего, рисовавшегося им в роли освободителя от мучительного кошмара и уже в силу этого казавшегося им истинным ангелом; но и мы, далекие потомки этих современников, спокойно оценивая события и людей того времени, должны признать, что в истории Европы было немного монархов, которые, всходя на престол, были бы проникнуты такими благородными стремлениями и чувствами, как Александр I. Воспитанник сурового республиканца Лагарпа, Александр, при вступлении своем на престол, жаждал насадить в своем государстве свободу и сделать счастливыми всех своих подданных. К тому же он слишком близко видел на примере своего отца, к чему ведет противоположная система. Помимо убеждений, внушенных воспитателем и подкрепленных действительностью, на тот же путь работы для блага своего государства и народа, или, вернее, всего человечества, Александра толкали и его личные, в высокой степени благородные, качества. Как личность Александр производил самое обаятельное впечатление, и все, кто имел возможность вступать с ним, в годы его молодости, в личные отношения, был глубоко очарован им. В истории имеется мало примеров того необычайного великодушия, которое проявлял Александр I по отношению к своим политическим врагам и изменчивым друзьям (Наполеон, Франц, Фридрих Вильгельм), и того постоянного мужества, с которым он вел борьбу с Наполеоном, невзирая на всевозможные неудачи, пока не победил этого колоссального разбойника. Известно глубокое огорчение Александра, когда он встретил на первых же порах препятствия осуществлению своего желания освободить себя от бремени неограниченной власти. Известны также его симпатии к крепостным крестьянам и его желание освободить их. Не наше дело останавливаться на выискивании причин, в силу которых это необычайное соединение передовых убеждений и столь благородных личных качеств в лице могущественного монарха, слово которого являлось непреложным законом, не привело к осуществлению и незначительной

доли тех ожиданий, которые возлагали на Александра I его современники, когда он всходил на престол после мрачного царствования Павла. Мы хотели указать только, что самые пылкие ожидания современников имели полное основание в личных качествах Александра и характере его убеждений и стремлений.

Если восшествие на престол Александра I взволновало даже такого «старого воробья», каким был Державин, то понятно, во сколько раз более сильное впечатление это событие должно было произвести на такого пылкого энтузиаста и идеалиста, каким был Каразин, имевший в это время всего 27 лет от роду. Впечатление это выразилось в поступке, который людям положительным мог показаться сумасбродным, но который не показался таковым прекрасному юноше, вызвавшему своею личностью это сумасбродство. Пользуясь суматохою, царившею во дворце в первое время по воцарении Александра I, Каразин, во время одного из придворных церемониалов, пробрался в кабинет императора и там оставил на столе письмо на имя государя. Последний прочитал письмо и пришел в восторг как от тех идей, которые высказывались в письме, так и от его пылкого и задумчивого тона. К сожалению, до сих пор это письмо не могло быть напечатано без пропусков, хотя, казалось бы, теперь оно имеет значение исключительно историческое. Мы остановимся на содержании этого письма подробнее, так как оно, с одной стороны, служило исходною точкою отношений Каразина к Александру I, а с другой – дает богатый материал для характеристики тогдашнего умонастроения Каразина, его идей и стремлений.

«Государь! – писал Каразин. – Ты царствуешь над сорока миллионами человек, искони приобыкших чтить власть, вне которой они не могут представить себе блаженства. Одного взора их царей часто *довольно*, чтобы развить повсеместную радость, и, конечно, одного *величия*, – *чтоб устроить счастье*, каким только может человек наслаждаться на земле!..»

Указав затем на то, что Россия по своей величине, по естественным богатствам представляет собою единственное в мире государство и является также единственным по условиям, благоприятствующим благотельной деятельности монарха, отметив, наконец, что, по тогдашнему состоянию Европы, данное время наиболее удобно для возведения России на верх славы и блаженства (слова манифеста при восшествии Александра I на престол), Каразин переходит к перечню

ожиданий, которые он возлагает на молодого государя.^[2]

«Без сомнения, наш Александр, друг людей, ведает, что *доверенность к правительству*, утверждаемая известностью *непременных* его начал, *одна* рождает взаимную доверенность граждан между собою; что она есть жизнь промыслов, мать общественных добродетелей и источник благоденствия.

С доверенностью к правительству на одной степени поставит он *веру к правосудию*. Без них обеих почтенные слова: *гражданин, отечество* – суть пустые звуки на языке отечественном!

Он презрит новых лжеполитиков, утверждающих, якобы частные неправды не обращаются обществу во вред; якобы для государства «все равно, как ни переходит собственность из рук в руки». Предоставив весь суд *избранным из народа*, он удалит их от соблазнов, не законами, безгласными *по необходимости*, но доставлением судьям избыточного содержания, соразмерного их бескорыстию и соревнованию об общей пользе. На сей конец подчинит он судей *общественному мнению*. Оно всегда было более беспристрастно, более неумолимо, нежели высшие инстанции, нередко движимые *одинаковыми же* началами на вящее посрамление законов!..

Он положит единожды навсегда твердое основание государственному достоянию; изочтет богатства своих обширных владений; определит возможности и повинности подданных *по неподвижному размеру, изменениям от прилива и отлива изобразительных знаков богатства неподверженном...*»

Не поводы к новым налогам велит он изобретать для бесконечного умножения *мнимых* доходов; но с благоволением примет те меры, кои клониться будут к уменьшению издержек. И сим *вернейшим* путем, сопровождаемый благословениями граждан, трудящихся в поте лица, достигнет он до постоянного *избытка государственного*, которым ни одна держава похвалиться еще не могла.

Он ограничит особливо издержки, которые не служат к пользе империи и не возвышают на самом деле блеска венца его, уменьшит двор свой; изгонит из него толпы ласкателей и прислужников, бесстыдно мечтающих, что достояние империи им принадлежит и что они преимущественное имеют право на милости государя по одному тому, что

случай поставил их близ его особы.

Он ограничит суетную *любезность* – сие желание украшать улицы и площади столиц, когда все прочее государство представляет еще бескровные^[3] хижины. Не художества призовет он в помощь для сооружения себе памятников; но в премудрости своих учреждений и в любви народной найдет их: они несокрушаемы временем, и не одно удивление праздного любопытства возбуждают, но почтение всех веков и всех народов.

Самые художества не будет он покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертогов своих, с условием, чтоб они платили ему лестью; но действительно ободрит их, *умножив общее благосостояние и разрешив узы ума и таланта*.

Вообще, он будет дорожить произведением кровавого пота подданных, посвященным на пользу общую; и моральное изящество будет его первейшим предметом...

Как наисовершеннейшие законы останутся бесполезными в народе развращенном и чуждыми смысла в народе-невежде, то без сомнения обратит он всю свою внимательность на *воспитание* подданных, соответственно местным и личным потребностям каждого. Духовенство употребится на просвещение народа, и на сей конец предварительно само будет просвещено: учредятся для него гимназии, удаленные от тяжелых начал древней схоластики, и отличия предоставлятся не тем из проповедников слова Божия, которые с поэтическим восторгом станут величать государя в городских храмах, но тем, которые докажут опытами влияние, какое они имели на благонравие своих паств, которые, учредив училища, не лепостно преподавать в них будут чистое учение Христово и своим примером наставлять должностям человека и гражданина...

Еще подействует он на нравственность состояний, называемых *последними*. Он обеспечит права человечества в *помещичьих крестьянах*: введет у них собственность, поставит пределы их зависимости. Он заселит мало-помалу пространные степи России, не насильно исторгая семейства из домов их и переселяя скоропостижно за целые тысячи верст, в страны, по своей одной безвестности уже страшные для них и действительно смертоносные по чрезвычайному различию климатов; но из соседственных, населеннейших мест вызывая и ободряя наградами и льготою.

Безводные, но, впрочем, тучные кряжи благословенных климатов будет он уметь соделать обитаемыми и превратить в цветущие сады, проводя каналы из соседственных рек, обращая в пользу пространные

озера или одевая исподволь отлогости гор лесом. Неужели одни только пресыщенные столицы имеют право на подобные сим издержки правительства?

Он назначит торжественные награды для поселян, кои отличаются или редкими примерами благонравия, или трудолюбием, или введением новых предметов земледелия или промышленности.

Рукоделия возбуждать он станет не самовластным *внезапным* запрещением ввоза иностранных произведений; но привилегиями, данными мануфактурам и фабрикам, и в особенности снятием стеснительных налогов, отнимающих охоту заводить новые.

Для внутренней и внешней торговли, для совершения великого подвига законодательства, он, конечно, потщится сохранить мир с державами... Не имеет ли он надежнейших способов содержать все дворы в почтении к себе, не преклоняясь ни на чью сторону? Находит ли по нынешнему положению своего государства, по его сопредельности, по его силам малейшие причины или выгоды входить в раздоры их? Население России, *в цвете еще находящейся*, таково ли, чтобы жертвовать людьми без *крайнейшей* необходимости?.. Если Всевышний мерзит человекоубийством и другими гнусными следствиями войны, если ему угодно, чтобы когда-либо существовала истинно христианская держава, то сей предмет удобнее всего в России и в царствование Александрово.

В счастливое сие время вооруженная сила не останется бесполезною... По примеру римлян, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомневались, однако ж, производить воинами общественные работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примеру некоторых европейских государей, кои в новейшие времена предпринимали такие же опыты, и в числе их самого основателя сей столицы, обеспечившего продовольствие ее Ладожским каналом, станет он употреблять по очереди часть мощных наших ратников, с младенчества привыкших к повиновению и трудам, на государственные работы... Откроются повсюду водяные и сухопутные сообщения, реки сделаются судоходными, болота превратятся в плодоносные долины... Между тем и границы империи не останутся без защищения, и русская сила будет всегда в виду и в понятии у неприятелей».

Перечень своих ожиданий от Александра I Каразин заканчивает следующими словами:

«Народы всегда будут то, что угодно правительствам, чтоб они были. Царь Иван Васильевич хотел иметь безответных рабов, с ним подлых, между собою жестокосердых: он имел их. Петр

желал видеть нас подражателями иностранцев: к несчастью, мы с излишеством такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *россиян*.

Александр довершит великое сие дело. Наслаждаясь некогда плодами своей юности, он будет блаженнейшим из смертных; и слава его, утвержденная на любви подданных, переходящей из рода в род, на всеобщем земных племен почтении, будет предметом желаний величайших монархов!..»

Идеи, высказанные в письме Каразина, были крайне симпатичны молодому государю, который в тогдашнем русском обществе и в особенности в придворных кругах находил чересчур мало людей, разделявших его освободительные стремления, и еще менее таких, которые относились бы к этим стремлениям с горячностью молодости, какою он был проникнут. Правда, вокруг Александра стояли так называемые «inseparables»^[4] – четыре друга его юности, во многом сходящиеся с ним и даже во многом вдохновлявшие его: Чарторыйский, Строганов, Новосильцев и Кочубей. Но это были люди, всего менее похожие на пылких энтузиастов. А между тем Александру, неожиданно вознесенному на самый могущественный престол мира, тогда как еще недавно он должен был трепетать за свою свободу, а пожалуй, и жизнь, и считавшему своим священным долгом употребить все свои силы на осуществление высоких идей, которые он должен был доселе глубоко таить в своей душе, лишь изредка бурно и неожиданно высказывая их личностям, казавшимся ему подходящими для того, и тем немало изумляя их, – Александру нужен был человек, пылко преданный идеям, столь близким сердцу и уму молодого государя, энтузиаст, который своею восторженностью поддерживал бы его собственные стремления, идеалист, который жил бы исключительно ради своих идей, не заботясь о мирских благах, домогательство которых служило в большей или меньшей степени основой действий почти всех окружающих Александра. И такого человека Александр увидел в авторе письма, быть может, не столько по его содержанию, сколько по восторженному тону, нашедшему близкий отклик в душе Александра. В сущности, монарх этот всю жизнь свою был мечтателем, и если он мог понимать и принимать близко к сердцу и попытки Роберта Оуэна создать общество на новых началах, и дикие фантазии Аракчеева насчет земледельца-воина, поведшие к созданию печальной памяти военных поселений, – то только потому, что он был мечтателем. И в авторе письма он почувствовал такого же мечтателя, каким был сам. И он не ошибся.

Письмо было без подписи. Александр решил отыскать автора его. Случайно он поручил это дело тому самому Трощинскому, под начальством которого числился Каразин. Тому стоило взглянуть на почерк письма, чтобы узнать автора его, и он на другой же день привез во дворец Каразина. Встреча Александра с Каразиным была трогательной. Александр еще был всецело проникнут впечатлением, полученным от письма, а Каразин приближался к своему государю с чувствами, которые нетрудно представить. Александр спросил Каразина:

– Ты написал эту бумагу?

– Я, государь! – отвечал Каразин.

– Дай обнять тебя и благодарить за благие твои пожелания мне и чувства истинного сына отечества! Продолжай всегда так чувствовать и действовать сообразно с этими чувствами. Продолжай всегда говорить мне правду! Я желал бы иметь побольше таких подданных!

И Александр обнял Каразина. Растроганный Каразин упал к ногам Александра и клялся говорить ему одну правду, и говорить ее всегда. И он свято выполнил эту клятву, хотя впоследствии правду его и не было желания выслушивать.

Встреча с Александром произвела глубокое впечатление на Каразина. С этой минуты его симпатии к молодому государю превратились в самую горячую привязанность, которая сохранилась у него до самой смерти, несмотря ни на что, несмотря на Шлиссельбургскую крепость, в которую Каразин в конце концов попал за высказывания правды «другу своей души», как называл он Александра I в письмах к нему. Каразин свято хранил память о «друге своей души» и тогда, когда «друг» сошел в могилу, и до конца дней отзывался о нем самым восторженным образом.

На Александра встреча с Каразиным и последующая беседа также произвели сильное впечатление, и после этого между двумя мечтателями завязываются самые душевные отношения, продолжавшиеся, к сожалению, слишком недолго. Александр, приглашая Каразина являться к нему всегда, когда тот пожелает, и писать непосредственно ему, минуя всякие инстанции, оказывал ему глубокую доверенность во многих щекотливых случаях.

После первых минут свидания Александр указал Каразину на стул у своего письменного стола и сказал:

– Садитесь, мне нужно побеседовать с вами: вы коснулись в вашей бумаге стольких предметов, что надобно подумать, с чего начать работу.

– Конечно, с образования народного, – отвечал Каразин.

В последовавшей за этим началом продолжительной беседе Каразин

объяснил Александру необходимость особого учреждения для заведования народным образованием и полный план целой системы просветительных учреждений. Здесь-то впервые была высказана идея учреждения министерства народного просвещения в России.

В наше время эта идея кажется такой естественной, более того – настолько обязательной, что невозможно даже представить цивилизованное государство без министерства народного просвещения. Совсем иначе обстояло дело 90 лет тому назад, в 1801 году, когда имела место первая встреча Александра с Каразиным. До тех пор отлично обходились без особого ведомства для народного образования. Да это было и понятно, потому что ему нечем было бы и ведать. Учреждение особого ведомства народного просвещения имело смысл только в случае принятия ряда мер по народному образованию, создания ряда просветительных учреждений. А тогдашнее общество весьма мало было озабочено этим предметом. Равнодушие к данному вопросу царило не только в консервативном большинстве общества, но и среди более передовых элементов, не исключая и вышеупомянутых «inseparables», составлявших интимный кружок Александра I. Занятые вопросом о переустройстве высшего управления России в смысле приближения его к более свободным политическим формам, друзья Александра мало думали о вопросах народного просвещения. И вот среди такого-то общества является человек, который говорит Александру, что реформационную работу, которую задумал этот государь, нужно начинать с народного образования. Это было новостью для Александра, и Каразин не мог не заинтересовать его уже одной этой идеей, которая казалась неожиданной и оригинальной. Взгляды Каразина на значение народного образования для того времени были действительно новы и оригинальны, да и для нашего времени их не только нельзя признать устаревшими, а, наоборот, многое в них до сих пор остается в качестве *ria desideria*.^[5] Важность, которую Каразин придавал деятельности государства на пользу народного просвещения, выразилась уже в ответе Александру на вопрос, с чего начать. Позднее, в 1810 году, в письме к доктору Реману, просившему Каразина изложить свое мнение о положении народного образования в России, он выражал свой взгляд на значение народного образования в следующих восторженных и несколько напыщенных, как и всё, что писал Каразин, словах:

«Народное просвещение!.. Какое прекрасное выражение! Если б чрез полсотни лет я сделался наконец способным быть министром, то больше всего желал бы быть министром народного

просвещения. Какой важный пост в таком государстве, как Россия! *Если что-либо может обеспечить незыблемость безмерного ее пространства, то это только просвещение ее народов. Если что-либо может сделать ее истинно независимой от всякого внешнего давления, – как бы громадно оно ни было – то это опять-таки только просвещение...*»

Далее Каразин поясняет свой взгляд на пределы ведения дел министерством народного просвещения:

«Произнося слово „народное просвещение“, я воображаю себе отрасль государственного, отеческого управления, обнимающую все, что только может относиться к образованию добрых граждан, к какому бы сословию они ни принадлежали, какого бы пола ^[6] и возраста ни были. Произнося слово «министр народного просвещения», я представляю себе просвещенного начальника, вполне распоряжающегося этою отраслью управления, дающего отчет о ней только верховной власти. Министерство народного просвещения должно быть независимо от других ведомств, которые отнюдь не должны вмешиваться в сферу его деятельности. Оно должно весть образование во всей его совокупности как общее, так и специальное».

Изложение Каразиным своих взглядов на народное образование при первом свидании с Александром I привело к тому, что император, отпуская Каразина, выразил желание, чтобы он подробно изложил свои воззрения на данный предмет и свой труд представил государю. Каразин исполнил это поручение и составил записку о создании в России особого управления народного образования и его деятельности.

С этого времени начинается обширная деятельность Каразина на благо народного просвещения.

В начале 1802 года был образован особый комитет для рассмотрения уставов высших учебных заведений. Комитет этот был составлен из Муравьева, графа Потоцкого и академика Фуса, а управителем дел его был назначен Каразин. Работая в этом комитете, Каразин составил уставы Московского университета, Академии наук и Академии художеств. Здесь же он возбудил давно занимавший его вопрос об учреждении Харьковского университета, созданного, как увидим ниже, исключительно благодаря его личным трудам.

Когда в том же году было решено учредить министерства, император поручил Каразину переделать вышеупомянутую представленную им записку об особом ведомстве народного просвещения соответственно общему строю вновь учреждаемой организации высшего государственного управления. Каразин составил проект организации и деятельности министерства народного просвещения и «Правила народного образования». Проектированное министерство было открыто, хотя ему и не было придано такого серьезного значения, какое оно должно было иметь по мысли Каразина, и «Правила» утверждены. По этим «Правилам» было создано «Главное правление училищ», которое состояло, под председательством министра народного просвещения Завадовского, из Свистунова, Муравьева, Чарторыйского, Потоцкого, Новосильцева, Румовского, Озерецковского и Фуса и, соответствуя теперешнему департаменту народного просвещения, служило средоточием всех дел по министерству народного просвещения. Управляющим делами этого «Главного правления училищ» был назначен Каразин. На этом месте Каразин увлеченно работал над упорядочением структуры нового министерства и расширением его деятельности. Между прочим им был составлен проект преобразования Виленского университета, проект устава Харьковского университета, проект устройства «приходских училищ», которые были бы приспособлены к потребностям «поселян», и многое другое.

Относясь с благоволением к Каразину, Александр I давал ему поручения не только по вопросам народного образования. Это и понятно, так как идеи, которые развивал Каразин перед государем, касались не только одной области народного образования, да и по характеру своему сам Каразин никогда не мог ограничиться каким-либо одним специальным делом, а широко разбрасывался соответственно широте своего умственного кругозора. В истинных специалистах всегда есть значительная доля узости мировоззрения, без которой и специалистом нельзя быть. А Каразин всего менее страдал такою узостью. Ниже мы увидим, как он вмешивался во все, где видел неправильное течение дел или злоупотребления, и как эта разносторонность вооружила против него всех приближенных Александра I и сгубила его блестящую карьеру в качестве государственного деятеля. А здесь мы пока остановимся на воззрениях Каразина по разным государственным и общественным вопросам, которые он разновременно излагал в письмах и записках, представлявшихся им Александру I и Николаю I. Воззрения эти беспорядочно и отрывочно были отмечены уже в первом письме к Александру, так очаровавшем молодого государя и приблизившем к нему Каразина; но впоследствии они были изложены с

несравненно большею полнотою и определенностью, хотя высказывались частью при обстоятельствах, которые многие не сочли бы особенно благоприятными для откровенного изложения своих политических воззрений.

Каразин в вопросе о политическом устройстве государства был сторонником монархического принципа. В записке, представленной Каразиным в 1810 году слободско-украинскому губернатору И. И. Бахтину, запрашивавшему его относительно своеобразного устройства его крепостных крестьян (о чем мы будем говорить в своем месте), он говорит между прочим:

«...Как в человеке разум и совесть могут быть затемняемы страстями, то и надлежит законы, диктуемые первыми, облечь в форму *ненарушимого завета*, под сенью которого единоначалие и становится идеалом общественного управления... Для узнания же общественных нужд, так как никакой смертный не может в одно и то же время сам проникать всюду, достаточно в помощь единовластную общественное мнение, т. е. свобода всякому выражать свои воззрения на вещи, – не в парламентах и на площадях, представляющих обширное поле страстям, а в *верноподданнических представлениях и в скромных беседах в печати*».

Итак, монархия, но монархия ограниченная, однако, не народным представительством, а с одной стороны – коренными законами, с другой же – правом каждого подданного свободно выражать «свои воззрения на вещи» в представлениях верховной власти и в печати.

Народное представительство Каразину было непонятно, и он высказывался против него самым определенным образом.

«Я вседушевно не одобряю нынешних конституций. К чему эти громкие собрания, уничтожающие власть, подобно как и ораторство с престола, заимствованное у англичан? Так называемая репрезентация народа есть вообще *мнимая*. Дело не в том, чтобы у нас в России заводить сражения красноречия мнимых репрезентантов с хитросплетениями министров, постыдные сражения прихотей государя и его наемников с прихотями адвокатов, подкрепляемых чернью, чтоб выводить на позор целого света покушения и неудачи власти; чтобы открыть

народному буйству, сосланному у нас в питейные дома, великолепный театр, украшенный всеми эмблемами могущества империи. Нет, совсем нет!..»

В таких выражениях Каразин отзывался о представительном образе правления в записке, поданной Александру I как раз после того, когда тот устроил конституционное правление в Царстве Польском.

В частности, по отношению к России он считал прежний абсолютизм невозможным. Обращаясь к Императору Николаю I в 1826 году с просьбою об освобождении от обязательного жительства в своем имении и полицейских стеснений, которым он был подвергнут с 1820 года, Каразин, несмотря на неудобство случая и на собственное сознание, что разговор о столь щекотливых предметах едва ли может привести к облегчению его участи, – не мог удержаться от того, чтобы не указать на невозможность возвращения к «формам правления, которые могли быть приличны прошедшим лишь векам»:

«Ничто не может, нет никакого средства, не достанет никакой человеческой силы остановить колесо или дать ему противное движение. Словами Екатерины II, коими начала она первую главу своего наказа, словами: „Россия есть европейская держава“ – все решено!.. Не должно было сблизать нас с Европою, начиная от XVI века еще, если самодержец пребыть хочет выше общественного мнения и законов, если он карает за самые верноподданнические о том, под печатью тайны, представления. Разврат и довременное лицемерие высших и низших есть все, что может быть выиграно при самом щедром излиянии милостей, при самых мудрейших, благонамереннейших предписаниях. Преумножая и распространяя до Камчатки и американских берегов пороки рабов просвещенных, пороки Рима и Франции, мы не можем уже иметь добродетелей, свойственных рабам прежних веков. Новое воспитание? О, государь!. Медлительно действуют училища. И из чего составят их курсы и библиотеки? Почти всех древних авторов должно будет удалить, лишиться из новых не только Монтескье и Бентама, но и самого Юстия, уже в 1770 году у нас в России напечатанного на природном языке, как и первые. Оставить совсем преподавание о других образах правления, дабы избежать естественнейших вопросов: почему же у нас иначе и пр.? Где, кроме Карамзина,

найдем и историков, которые бы одобряли самовластие? Из поэтов надо будет перепечатать с большими пропусками не только знаменитейших, каков, например, Шиллер, иностранных, но и своих, как то: Державина, Княжнина. Все человеческие познания составляют теперь непрерывную цепь, в которой лишение одного звена будет нетерпимо...»

Исходя из таких положений, Каразин в 1801 году писал Александру I и через 19 лет, в 1820 году, снова повторял: «Время укрепить расслабевающий состав нашего государства! Время заменить религиозное к престолу почтение другим, *основанным на законах!*» «Правители народов, – писал он в 1820 г. Александру I, – должны добровольными, ими данными постановлениями предварять постановления насильственные», и приводил в подтверждение разговор Бальи с одним из министров Людовика XVI, в котором министр выражал удивление, почему Национальное собрание недовольно теми уступками, которые сделал Людовик требованиям собрания, тогда как 10 лет назад эти уступки были бы встречены с энтузиазмом. Бальи отвечал, что собрание *само* теперь хочет сделать то, что оно с благодарностью приняло бы раньше от короля.

К сожалению, мы в настоящее время лишены возможности выяснить себе, что разумел Каразин под теми «законами», которыми, по его мнению, должна была ограничить себя монархическая власть. Дело в том, что документы, относящиеся сюда, доселе не напечатаны, исключая записку, представленную в 1820 году Александру I, которая, однако, напечатана с громадными, поглотившими все существенное, пропусками. Мы можем отметить только некоторые черты этих «законов», имея в виду как приведенные выше отрывки из записок Каразина, так и некоторые другие места опубликованных документов.

Несомненно, что Каразин не желал перенесения в Россию тех форм ограничения монархии, которые выработались западноевропейской жизнью. Это ясно видно уже из тех отзывов о западноевропейских конституциях и парламентах, которые приведены выше. Но, кроме того, он вообще был против пересадки на русскую почву западноевропейских учреждений, находя их непригодными для русской жизни. В письме к д-ру Реману, из которого уже был приведен выше отрывок, Каразин смеется над «нашими законодателями», желавшими «копировать все с иностранцев»: «Мы часто походим в наших учреждениях и постановлениях на известного князя Гагарина, петровских времен, который вздумал построить в Москве, на горе, дом на манер венецианский... Вы найдете в нем и крытую

галерею, как будто над каналом, и ступеньки для схода к гондолам, и боковой парапет для защиты этих ступенек от высокой воды, и, наконец, даже кольца для привязывания гондол – словом, всё на своем месте, кроме самого дома».

В пояснительной записке к «Предначертанию о Харьковском университете», составленной в 1802 году, Каразин поясняет определеннее причину своего отрицательного отношения к заимствованию общественных форм и учреждений.

«Главный, может быть, недостаток этого проекта, – писал он, – состоит в том, что я полагал нас живущими в такое время, когда *надобно скорее творить, чем подражать*, и находящимися в таком положении, которое позволяет нам быть свободными от всяких предрассудков. Мне казалось, что в России все должно быть *ново и своеобразно*, как она сама, и что все должно быть *соображаемо скорее с собственными ее нуждами, чем с обычаями народов, по всему ей чуждых, и с теми старыми, отжившими уже, их порядками*, которых сами они продолжают придерживаться только по причине неподвижности у них общественного мнения. Гораздо легче по всем частям *политического устройства вновь созидать, чем исправлять старое*, и если какая-либо страна находится в таком счастливом состоянии, что может безнаказанно слушаться здравого рассудка, руководимого только отчетами прошедшего, то это Россия».

Отвергая заимствование с Запада, Каразин, по-видимому, предлагал воспользоваться указаниями, заимствованными из прошлого русской государственной жизни. Намеки на это находятся в тех отрывках тетрадей 5-й и 7-й записки, поданной в 1820 году, которые опубликованы. Так, в тетради 5-й говорится:

«Государи наши, быв представителями Бога вселенной с могуществом, которое по началам религии от него заимствуют, не могут, яко человеки, соединять в себе самих его премудрости. Вот почему для достойного и благотворительнейшего народам представления в своем лице высочайшего существа, для управления народами на земле, подобного его управления мирами, цари наши *всегда были внушаемы государственною душою*».

К сожалению, дальнейшее развитие этих мыслей, при напечатании в 1-м номере «Русской старины» за 1871 год, исключено «по обстоятельствам, от редакции не зависящим». Такие же пропуски пестрят и в тетради 7-й, из которой мы приведем следующий отрывок:

«Странно, что благословенный средний путь, указываемый нам религиею и *обычаями любезного отечества издавна*, путь, по которому одному век можно идти безопасно, остается до сих пор пустым!.. Что государи, которые должны быть беспристрастны, почти как Бог, которые, как Он, должны жить лишь в жизни миллионов существ разумных, им подвластных, управляются честолюбием, желанием поставить на своем как обыкновенные люди. Неужели они сию жестокость и непреклонность (свойственную только Наполеонам) почитают благородною твердостью, каковую должно иметь в добрых намерениях? Неужели они предпочитают лучше сто раз подвергаться ошибкам и даже опасностям, *нежели призвать в помощь разум своего государства*. Бог редко просвещает нас сверхъестественно. Он рассеял по лицу земного шара свои орудия. Должно употреблять их».

Исходя из того же положения о необходимости и обязательности для монархии руководствоваться «общественным мнением», прислушиваться к «совету разума государства», Каразин усиленно защищал право каждого подданного обращаться к власти с представлениями; в записке 1820 года, неоднократно цитированной нами, он сильно вооружается против «льстецов», истолковывающих государям право подданных делать представления как «оскорбление величества, порыв мешаться не в свое дело, тщеславное желание учить правительство».

«Возможно ли? – восклицал Каразин. – Я оскорбляю, открывая мои мысли (справедливые или ложные – все равно) тому единому, которому принадлежит знать их и от которого зависит дать им цену!..» «Я-де мешаюсь не в свое дело. А давно ли дело отечества, в котором я живу, в котором будут жить мои дети и внуки, которого монарх почитается отцом обширнейшего семейства, перестало быть моим собственным делом? Из какой азиатской системы взята мысль эта? „Учить правительство“ – выражение, изобретенное нарочно для уязвления самолюбия лиц,

правительство составляющих. Но авторы, публично издающие книги о лучшем устройстве законодательства, финансов и проч., разве не более еще должны казаться виновными? А правительство нередко их награждает. Боже мой! и Ты позволяешь жаловаться на бедствия, которые ты посылаешь, и просить у тебя лучшего; а правительства состоят из человек. Мы все учим и учимся до самой смерти. Несчастлив тот, кто вообразит, что ничего уже не остается ему узнать. Правительство есть сосредоточие, в которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благе общем. Горе, если мы станем рассуждать на площадях подобно другим народам!.. Да и много ли нас теперь в России, желающих, имеющих и дерзающих говорить нечто правительству? Оно с сей стороны может оставаться покойным: ему не наскучат».

Выше уже приводились слова Каразина о необходимости предоставления «свободы всякому выражать свои воззрения на вещи в скромных беседах в печати». В такой свободе Каразин видел «помощь единовластию», необходимость которой обуславливается тем, что «никакой смертный (а стало быть, и монарх) не может в одно и то же время сам проникать всюду». Естественно, что Каразин восставал против стеснений упомянутой свободы, равно как и против всяких стеснений свободы совести, во имя чего бы они ни принимались.

В записке 1820 года, т. е. в самый разгар увлечения Александра реакционными стремлениями и мистицизмом, Каразин писал:

«Боятся дать повод рассуждать о взаимных отношениях правительства и народа. Полиция с жезлом в руках, цензуры духовная и гражданская, с затворами для слов и мыслей, поставлены на страже, чтоб не прокралась в народ какая-либо черта сей благодетельной системы (т. е. сведения о государственном устройстве России), успокаивающей все возможные волнения умов. Едва вероятно, что у нас по сей части происходит! Глубоким молчанием дают повод рассеивать самые вздорные, самые вредные начала; между тем как правительство, противоречием самому себе, по временам показывает, как будто не имеет никаких. Вчера оно провозглашало вольность, издавало на своем иждивении Бентама и пр., и пр.; сегодня является деспотом, не признающим ниже прав собственности, уважаемых

и в Азии. Прежде славилось терпимостью вер, отдавая, однако, должное преимущество отечественной; оставляя расколы в неуважении, нечувствительно возвращало их в недра церкви; соединяя благочестие с просвещением, умело делать вероисповедание наше привлекательным для целой Европы и пленять им самых деистов; потом вдруг явилось суевером веков прошедших даже до того, что в манифестах стало проповедовать о святости давно забытых венчиков и о необходимости свеч; на свечном доходе основало (как будто для игры слов!) просвещение духовенства; наконец, забыв все это, делается гернгутером, в очах простого народа нарушает святыню праздников и алтарных мест, гонит иезуитов за обращение жида, а меноннитам позволяет обращение своих подданных, издавая проповеди их на русском языке мимо духовенства; рукою власти возводит католических еретиков на кафедры; гонит и смешивает все религии, все начала; учреждает училища, но подчиняет их невеждам или фанатикам; запрещает говорить и печатать все то, что не соответствует сему духу мистицизма и вавилонского смешения...»

Из взглядов Каразина относительно внутреннего строя общества отметим воззрения его, касающиеся дворянства и духовенства. Дворянство он считал необходимою принадлежностью каждого общества. «Дворянство, — писал он, — видим мы от века во всех странах. Начинаясь Рим имел своих патрициев, и отагейцы имеют эрисов. Иначе быть нельзя, ибо в народе всегда должны отличаться лучшие люди; невозможно всем быть равным». Считая, таким образом, дворянство необходимым общественным учреждением, Каразин, однако, отнюдь не стоял за его кастовый характер; напротив, он считал необходимым условием существования дворянства, «чтоб допущение в благородное сословие было наградою за благородные подвиги, а удаление от благородных чувствований неминуемо влекло за собою из него извержение».

Вообще, существование замкнутых сословий было совершенно противно убеждениям Каразина, и это еще яснее выразилось в его отзывах о духовенстве. В письме к д-ру Реману, посвященном вопросам образования, Каразин выражал желание, чтобы дети духовенства, которым в то время был доступ только в одни духовно-учебные заведения, получили право поступать в училища всех родов, чтобы «государство освободилось

от стремления делить людей на служебные касты» и чтобы «всякий имел возможность избирать себе то поприще, к какому он склонен по природе, различной всегда в разных индивидуумах рода человеческого».

В записке 1820 года Каразин еще резче высказал свой взгляд на данный предмет:

«Пора уже отстать от индийских каст и дать всякому свободу избирать то служение, в которое Бог его призывает. Я никакой не вижу невозможности в том, чтоб недостаточные молодые люди из дворян и купцов поступали по желанию во священники, как это и бывало прежде в Малороссии; равно, чтоб священнические дети рьяного нрава и крепкого сложения поступали в военную службу без всякого особенного ходатайства».

Как известно, наше духовенство до реформ Александра II оставалось в положении касты, в которую доступ посторонним элементам был закрыт и выход из которой был возможен только в исключительных случаях. Таким образом, желания Каразина относительно духовенства осуществились только через полвека.

Капитальнейшим вопросом внутренней жизни России в эпоху Каразина был вопрос о крепостном праве. Однако, ввиду важности этого вопроса. и интереса, представляемого взглядами и деятельностью Каразина в этом отношении, мы посвятим им ниже особую главу.

Как ни неполны наши сведения о политических воззрениях Каразина, нельзя не видеть, что он далеко не во всем сходил с Александром I. Последний, например, еще в 1821 году, на конгрессе в Лайбахе, заявлял: «Я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен их любить». В начале же своего царствования Александр I был просто влюблен в конституционный образ правления, усиленно желал ввести его в России и был несказанно огорчен, когда при первом же обсуждении этого вопроса в частном комитете, составленном Александром I из своих друзей, выяснилось, что в России не было элементов, на которые могла бы опереться конституционная форма правления. Такими же конституционалистами были и ближайшие советники Александра I, вышеупомянутые «неразлучные». Однако, как видно будет из нижеприводимого эпизода столкновения сената с Александром I, Каразин был едва ли не единственным сторонником ограничения монархической власти, настолько искренним, чтобы постоять за этот принцип на деле, не заботясь о последствиях лично для себя. Другие довольствовались лишь

выражением своих либеральных убеждений, благо это не только не могло повредить, но было даже весьма приятно императору; когда же дело доходило до практического отстаивания принципа, они скромно отмалчивались. Эта-то последовательность Каразина, его прямота и искренность, по-видимому, всего более и привлекли к нему Александра I, несмотря на резкое несогласие их в воззрениях по некоторым важным вопросам. Александр I инстинктивно должен был чувствовать, что в воззрениях Каразина значительная доля правды и что во всяком случае мнения его имеют высокую цену как человека глубоко правдивого. В своих письмах Каразину, в которых выразилось самым несомненным образом дружеское расположение Александра I к Каразину и которые Державин в своих «Записках» называет «дружескими рескриптами», император не раз выражал, как высоко он ценит правдивость Каразина. Между прочим, в письме от 12 декабря 1801 года, в день своего рождения, Александр писал: «Продолжайте всегда говорить так откровенно, если б даже вы и заметили, что это мне не нравится; верьте, что рано или поздно я буду уметь оценить подвиг, влекущий вас».

Благоволение Александра I к Каразину было настолько очевидным, выражалось в столь резких формах, что не могло не броситься всем в глаза и не послужить предметом зависти. Помимо чинов и орденов, которым Каразин не придавал особой цены, благоволение Александра I выражалось в более ценной для Каразина форме – переписке с ним, свободном допущении его к своей особе, поручении ему разных щекотливых дел и, наконец, в публичных выражениях ему своих дружеских чувств. Один из случаев последнего рода имел место в чопорной Москве и поразил тамошнее спесивое барство. Главнокомандующий в Москве, граф Салтыков, давал бал для императора. На этом балу, на котором присутствовали только сливки тогдашнего барства, был замечен неизвестный человек, которого никто не приглашал. Хозяин бала послал к нему одного из чиновников спросить, кто он и зачем здесь; но в это время вошел император, который, увидев Каразина, – так как неизвестный гость был он, – подозвал его и рекомендовал хозяину, извиняясь, что он не предупредил его об этом госте. Чопорная Москва была удивлена таким вниманием императора к неизвестному человеку, который по справкам оказался просто незначительным помещиком.

Благоволение императора к Каразину выразилось также в том внимании, которое Александр I проявлял к рекомендациям со стороны Каразина лиц для занятия разных должностей и награждения их. Так, известно, что по указанию Каразина академик Фус был назначен членом

главного правления училищ, И.И. Бахтин – харьковским губернатором, многие другие лица получили награды и т. д.

Из числа щекотливых поручений, которые давал Александр I Каразину как человеку глубоко честному, более или менее подробные сведения имеются о поручении по делу калужского губернатора Лопухина. Сведения эти сообщает Державин в своих «Записках».

Лопухин был отчаянным взяточником и вымогателем. Между прочим он выпросил займы у фабриканта Гончарова 30 тысяч рублей, а затем возбудил против него преследование за происходившую будто бы в его доме запрещенную карточную игру, причем обещал прекратить следствие, если Гончаров возвратит вексель на занятые деньги, а в противном случае грозил сослать его в Сибирь. Гончаров вынужден был возвратить вексель. В другой раз Лопухин взял 75 тысяч рублей за прекращение дела об убийстве помещиком Хитровым своего родного брата. О злоупотреблениях Лопухина императором было получено безымянное донесение. Он поручил Каразину съездить частным образом на место и проверить донесение. Каразин отправился в Калужскую губернию, раскрыл массу злоупотреблений Лопухина, собрал доказательства и представил их императору. Тогда и было назначено формальное следствие, порученное Державину как сенатору. Последний отправился в Калугу с Каразиным и при его помощи и по его указаниям установил 34 важных преступления Лопухина, не считая неважных. У Лопухина были могущественные покровители, но благодаря особенному вниманию Александра I к этому делу – вниманию, вызванному, очевидно, участием в нем Каразина, Лопухин был осужден и понес заслуженную кару.

Сам Каразин считал своим долгом доводить до сведения государя о злоупотреблениях, о которых ему приходилось узнавать, особенно если эти злоупотребления касались крестьян. Приводим здесь один подробный случай, служащий ярким свидетельством отзывчивости Каразина к страданиям угнетенных. В 1803 году, проезжая через Москву, он услышал от знакомых о бунте крестьян подмосковного села Павловского, недавно купленных казною от графа Ягужинского для устройства в названном селе казенной суконной фабрики. Бунт был вызван именно устройством фабрики и обращением крестьян в фабричных работников против их желания. Были посланы и войска для усмирения этого «бунта», состоявшего в нежелании крестьян работать на фабрике. Каразин счел своею обязанностью отправиться на место происшествия, исследовать обстоятельства дела и затем в письме к министру внутренних дел заступиться за крестьян и порекомендовать поручить расследование дела

«самому беспристрастному человеку, который бы в Москве особенно известен был кротостью к крестьянам, значением и общою доверенностью». Вследствие этого письма на дело было обращено особое внимание, расследование его было поручено главнокомандующему в Москве, и крестьяне были успокоены.

Глава III

Основание Харьковского университета. – Пожертвования дворян и горожан Харьковской губернии. – Препятствия со стороны тогдашних министров. – Употребление Каразиным собственных средств на университет. – Отставка Каразина

Замечательнейшим делом, исполненным Каразиным, является основание Харьковского университета. Как ни велика его заслуга в деле создания министерства народного просвещения, но здесь труд его облегчался общим ходом тогдашних преобразований и в особенности поддержкою самого государя. В деле же основания Харьковского университета Каразину пришлось весь труд, всю тяжесть забот вынести одному, не только не встречая содействия со стороны центральной власти, но еще неожиданно получая с этой стороны задержки и препятствия. Дело в том, что осуществление идеи об основании в Харькове университета было начато в период благоволения Александра I к Каразину, а продолжение и окончание дела имели место, когда Александр уже охладил к своему недавнему любимцу, чем и воспользовались люди, бывшие тогда у власти, чтобы причинить ему неприятности. История основания Харьковского университета, являясь блестящим эпизодом в биографии Каразина, в то же время служит прекрасною картиною тогдашних нравов, царивших в правящих сферах России.

Родившись на Украине, Каразин, несмотря на свое греческое происхождение, смотрел на нее как на свою родину, на благо которой он должен употребить все свои силы и средства.

«Мне больно было видеть ее, – писал он в 1804 году князю Чарторыйскому, – богатую дарами природы и талантами ее обитателей, в поругании и презрении; и я возмечтал, что одного моего рвения и скудных моих средств достаточно на то, чтоб уничтожить преграды, поставляемые к ее успехам».

Главную преграду он видел в недостатке образования. И вот у него является идея устроить в Харькове рассадник просвещения – университет, отнюдь не похожий на обычный тип университета, но представляющий

собою учреждение, которое давало бы истинное образование, соответствующее истинным нуждам человека и жизни. Осуществлению этой идеи Каразин придавал огромное значение...

В мечтах своих он видел Харьковский университет переполненным тысячами учащихся, которые собираются сюда не только со всей южной России, но и из христианских стран Балканского полуострова. И он решился употребить все усилия на осуществление своей мечты.

Для основания университета нужны были средства, и средства немалые. Каразин решил найти их на той самой Украине, для просвещения которой устраивался университет. С этой целью он отправился в Харьков и стал здесь пропагандировать свою идею среди слободско-украинского дворянства. Надо заметить, что уже и тогда местное общество относилось к нему с большим уважением, которое впоследствии только упрочилось и выражалось в говорящих за себя фактах. В мае 1801 года дворянство Слободской Украины выбрало его своим депутатом для исходатайствования у верховной власти сохранения некоторых, весьма важных, льгот, которыми дотоле пользовалась Малороссия. Пользуясь таким доверием к себе местного дворянства, Каразин усиленно распространял как среди дворян, так и среди горожан свою мысль об учреждении университета в Харькове. И дворяне, и горожане отнеслись с сочувствием к мысли Каразина и изъявили согласие поддержать дело материально. Тогда Каразин явился к Александру I и, заявив ему о желании Украины иметь свой университет, просил разрешить основание его в Харькове, причем указал и на желание слободско-украинского общества поддержать данное дело материальными пожертвованиями. Само собою разумеется, что Александр I отнесся сочувственно к мысли Каразина и разрешил ему работать в данном направлении. Каразин принялся за составление «Предначертания о Харьковском университете», а в то же время письмами и посылкою доверенных людей старался поддержать в украинцах сочувствие к новому делу и готовность принести для него материальные жертвы. Наконец в августе 1802 года Каразин снова появился в Харькове. Здесь он убедился, что дворяне и горожане по-прежнему готовы содействовать осуществлению его мысли. В частном собрании дворян, бывшем 20 августа, состоялась подписка на 100 тысяч рублей серебром. На другом частном собрании дворян, состоявшемся 29 августа, решено было пожертвовать миллион рублей от всего слободско-украинского дворянства; 31 августа состоялось общее дворянское собрание, где Каразин произнес горячую речь о необходимости устройства университета и пожертвований на это дело со стороны дворян.

Речь эта была принята с восторгом большинством собрания. Однако нашлась и оппозиция; впоследствии эта оппозиция, в лице нескольких дворян, обращалась даже с жалобой к министру внутренних дел на «неправильный» созыв Каразиным дворянства для «принудительной» подписки на университет. Теперь, на собрании, они восстали против участия дворянства в данном деле, затеянном каким-то «школьником», как они называли Каразина ввиду его моложавого вида. Однако оппозиция эта была дурно принята большинством собрания, и члены оппозиции вынуждены были удалиться ни с чем. Тем не менее этот эпизод охладил энтузиазм, вызванный речью Каразина, и вместо миллиона, на который он рассчитывал, собрание постановило пожертвовать только 400 тысяч рублей серебром. Кроме того, решено было обратить в пользу университета 66910 рублей, которые следовало получить слободско-украинскому дворянству от казны за поставку в армию воловьих шкур и лошадей. Вместе с тем постановили пригласить к участию в пожертвовании на университет городские сословия Слободско-Украинской губернии и дворянства других южных губерний.

Харьковское городское общество собралось на следующий же день после собрания дворян и решило вносить в пользу университета в течение 10 лет сумму, равную государственной подати, платимой с купеческих капиталов, и половину откупной суммы, поступавшей в пользу города.

Уездные города Слободско-Украинской губернии также отзывались, жертвуя половину и две трети откупной суммы и представляя добровольные пожертвования в пользу университета. В общей сложности из Слободской Украины поступило пожертвований на 618 тысяч рублей.

В январе 1803 года дворяне Новороссийской губернии постановили пожертвовать на Харьковский университет 108 тысяч рублей. Вскоре затем херсонское дворянство изъявило готовность пожертвовать на те же цели 40 тысяч рублей.

Эти пожертвования произвели большое впечатление на тогдашнее русское общество и вызвали соревнование со стороны богатых магнатов. В марте 1803 года Демидов обратился к министру народного просвещения графу Завадовскому с предложением пожертвовать необходимые средства для основания в Ярославле высшего учебного заведения (Демидовский лицей); при этом он указал, что желание сделать это пожертвование было вызвано чтением только что вышедшего тогда плана общего образования в России («Предварительные правила народного просвещения», составленные Каразиным). За Демидовым и под влиянием его примера так же поступил Безбородко, на пожертвование которого возник Нежинский

лицей. Далее следует пожертвование Румянцевым музея с домом «на благое просвещение» (теперешний Румянцевский музей в Москве), пожертвования Голицына, Дашковой и других.

К сожалению, пожертвования на Харьковский университет, вызвавшие это движение, вскоре приостановились, и даже уже ожидаемые поступали крайне туго вследствие того, что открытие университета стало встречать неожиданные препятствия и грозило затянуться на неопределенно долгое время. Но прежде чем перейти к изложению этих неожиданных затруднений, встреченных Каразиным при осуществлении любимой своей мысли, ознакомимся с той организацией, которую желал придать Каразин Харьковскому университету и которая была одобрена слободско-украинским дворянством в постановлении о пожертвовании.

Как видно из «Предначерта о Харьковском университете» и объяснительной записки к нему, университет, по идее Каразина, отнюдь не должен был напоминать тот тип высшего учебного заведения, который выработан по преимуществу в Германии и затем пересажен к нам. Харьковский университет должен был представлять собою соединение нескольких высших специальных школ. Объединение этих школ в одном учреждении, которое было названо Каразиным университетом, «чтоб не придумывать другого наименования», было вызвано несколькими побуждениями:

«Ему казалось необходимым иметь один общий для всех сопредельных губерний центр учения, где бы люди всякого звания и всякого состояния могли находить средства для специального своего образования, чрез что достигалось бы и взаимное соединение сословий, столько, к сожалению, у нас до сих пор разрозненных между собою; к тому же это послужило бы и к значительному сокращению издержек, потребных на заведение каждого отдельного училища: одни и те же принадлежности послужат для нескольких специальностей, и одни и те же преподаватели могут быть полезны для разнородных училищ, как скоро они в одном месте; а, наконец, соединение в одном целом нескольких специальных училищ имело бы последствием ту *общность чувств*, тот *дух товарищества*, который так упрочивает привязанность к общему месту воспитания и содействует любви к отечеству».

Специальных школ, соединенных в Харьковском университете под

видом отделений, Каразин проектировал *девять*, которые предполагалось открывать постепенно. Первые два *отделения* должны были открыться немедленно по утверждении устава университета. Через эти отделения должны были проходить все студенты, и они являлись подготовительными для специальных отделений. В программу его должны были входить иностранные языки, история, география, математика, физика, естественные науки. Курс этих отделений был трехлетним. По прошествии трех лет после открытия университета открываются новые пять отделений – уже специальные: *богословское* (четырёхлетний курс), *гражданских познаний* (трехлетний), *военных познаний* (трехлетний), *врачебных наук* и *гражданских искусств* (архитектура, гидравлика, механика и землемерие, курс трехлетний). Еще через два года могут открыться два последних отделения – *высших наук* или *учености* (высшие курсы математики, физики, химии, прочих естественных наук и астрономии, а также история наук и педагогика, курс четырехлетний) и *изящных художеств* (живопись, скульптура, музыка и т. п.).

Таким образом, по проекту Каразина, Харьковский университет должен был представлять собою соединение подготовительной школы и специальных школ, соответствующих теперешним: духовной академии, военным академиям, юридическим факультетам университетов, строительному училищу, институтам технологическому и путей сообщения, медицинским и естественнонаучным факультетам, учительскому институту, академии художеств и консерватории. Нет сомнения, что такая универсальная школа есть идеал высшего учебного заведения и придет время, когда высшие школы по своей организации будут ближе к тому, что проектировал Каразин, нежели к существующим типам высших школ.

В тесной связи с университетом, как дополнение предполагаемой системы образовательных учреждений, Каразин проектировал устройство *училища сельского домоводства* и *школу ремесел и рукоделий*, которые должны были зависеть от Харьковского университета и содержаться на его средства.

Такое-то всестороннее образовательное учреждение задумал Каразин основать в Харькове и не сомневался в успехе своего начинания. Снабженный формальными доверенностями дворян Слободско-Украинской губернии и харьковского городского общества хлопотать об открытии университета и постановлениями о пожертвованиях, Каразин отправился в Петербург и здесь немедленно явился во дворец, чтобы лично доложить Александру I о положении дела, начатого им с полного одобрения государя.

Александр I, однако, на этот раз не принял Каразина, а велел ему сказать, чтобы он представил все, что имеет, по начальству. Страшно был поражен Каразин таким отношением к нему и начатому им делу; но делать было нечего: он представил все документы по делу Харьковского университета Муравьеву, председателю комиссии об училищах, в которую он сам незадолго перед тем был назначен управителем дел, – и отсюда начинается продолжительная волокита, которую устраивали сильные люди того времени, ненавидевшие недавнего царского любимца, потерявшего теперь благоволение государя. Ниже мы выясним причины перемены отношения Александра I к Каразину, а теперь продолжим рассмотрение судьбы вопроса о Харьковском университете, решение которого вдруг затормозилось обстоятельством, казалось бы, не имеющим никакого отношения к данному делу.

Дело о Харьковском университете пошло «по начальству». Муравьев представил переданные ему Каразиным бумаги министру народного просвещения Завадовскому, а этот последний – министру внутренних дел Кочубею. Начались всевозможные запросы и справки. Канцелярии вступили в дело и показали себя обычными мастерами по части затягивания решения вопроса. Каразин хлопотал, бегал ко всем лицам, от которых зависело подвинуть дело, настаивал, – но дело не двигалось. А между тем он был так уверен, что решение вопроса не встретит никаких затруднений, и ожидал, что университет будет открыт уже с 1803 года, и эту уверенность передал и харьковскому дворянству. Можно представить себе, как должна была возмущаться пылкая натура Каразина тем черепашиным ходом дорогого ему дела, какой придали ему петербургские канцелярии. Наконец, в декабре 1802 года он пишет горячее письмо министру внутренних дел Кочубею, который должен был сделать доклад императору о пожертвованиях и прошении харьковских дворян и горожан, но не делал. В письме Каразин горько жалуется на затяжку дела, сетуя на неосновательность ее.

Указав на необходимость университета для южной России, на легкость создания его благодаря пожертвованиям, на то, что само правительство решило устроить несколько новых университетов и один из них предположено открыть именно в Харькове, что дело, которое он затеял, два раза было одобрено императором, что скорое разрешение вопроса вызовет новые пожертвования, а затяжка приостановит их, Каразин заканчивает свое обращение к графу Кочубею словами:

«Я пишу как отчаянный человек. Посрамление навеки пред

обществом здешним, мест сильных, возненавидевших меня еще более прежнего, укоризны и клятвы оскорбленной чести многих сотен дворян, которые увидят, что пожертвовали только для того, чтоб быть предметом всеобщего посмеяния, – все это ожидает меня. Унылое мое состояние умножается еще мыслью, что надолго будет упущен случай оживить деятельность в стране плодородной и способной к заведениям всякого рода, но ныне, со всем изобилием своим, малополезной для России. Скажу более: навеки, может быть, будет потерян случай, самый редкий, произвести в российских дворянах энтузиазм к общему добру и к успехам воспитания; и – уввы! – самым убедительным образом будет доказано, что покушения частных лиц, к сему клонящиеся, суть не что иное, как безрассудство, ведущее к тому, чтобы быть осмеянным и угнетенным!..»

Последствием письма к графу Кочубею была резолюция последнего: «Немедленно составить доклад». Однако это «немедленно» протянулось еще два месяца, и понадобилось новое письменное настояние Каразина, чтобы наконец доклад был представлен императору. Последний приказал благодарить харьковских дворян и горожан за пожертвования и наградил губернского предводителя орденом, городского голову чином и соборного протоиерея наперсным крестом. Самого Каразина спрашивали от имени императора о награде, которую он желает получить за свои хлопоты по данному делу, но Каразин отклонил от себя всякое вознаграждение. Зато его огорчило то, что был награжден губернский предводитель, всего менее содействовавший делу, и обойдены лица, стараниями которых были вызваны пожертвования, и он сделал об этом представление графу Кочубею. Последний согласился с Каразиным, но не решался обращаться по этому поводу к императору. Тогда Каразин обратился к последнему лично от себя и указал лиц, которых, по его мнению, следовало наградить. Император уважил ходатайство Каразина, и все указанные им лица получили награды.

Дело университета подвинулось вперед, но шло по-прежнему медленно. В конце января 1803 года был назначен попечитель «учреждаемого» в Харькове университета. Это был граф Потоцкий, личность в высшей степени почтенная. В это время Каразин уже приискал несколько профессоров. Пора было приступить к фактическому устройству университета. Сам Потоцкий по семейным делам должен был ехать за границу, и он отправил в Харьков Каразина, поручая ему «принять

всевозможные меры касательно первоначального устройства университета, дабы приуготовить все к открытию его».

Приехав в Харьков, Каразин с величайшим огорчением узнал, что к собиранию пожертвованных денег еще не было приступлено и что комиссия, которую должны были выбрать жертвователи и которая должна была озаботиться устройством помещения для университета, еще не существовала, а тем более не существовало помещения. Каразин решил сделать все сам. Основываясь на предписании министра внутренних дел, он потребовал сдачи генерал-губернаторского дома, предназначенного для университета. Но тут встретились препятствия: во-первых, не знали куда деть некоторые присутственные места, помещавшиеся в означенном доме, а во-вторых, из дома не мог выехать губернатор *по причине грязи*, покрывавшей харьковские улицы, как он доносил о том министру внутренних дел. Наконец, через два месяца дом был сдан, и Каразин мог приступить к необходимым переделкам и приспособлениям его. Но где взять для этого денег? Сбор пожертвований был отложен до особого съезда дворян. Оставалась надежда на те 69910 рублей, которые была должна казна харьковскому дворянству и которые последнее пожертвовало в пользу университета. Деньги эти лежали в Петербурге готовыми, но их не высылали. Тогда Каразин решился делать все – перестройку домов для университета, устройство лаборатории, библиотеки, разных кабинетов, университетской типографии, наем мастеровых – за свой личный счет, для чего заложил свое имение в харьковский приказ общественного призрения. Вместе с тем Каразин озаботился приисканием места, где можно было бы впоследствии устроить постоянное помещение для университета. Место это он нашел за Сумской заставой в размере 318 тысяч квадратных сажен, которые тогда были приобретены за 6 тысяч рублей, а ныне стоят несколько сот тысяч рублей. Наконец средства Каразина истощились, и он решился отправиться в Петербург, надеясь получить там помощь для продолжения дела. Он мог рассчитывать, кроме вышеупомянутых 69910 рублей, обещанных казною харьковскому дворянству, еще на 125 тысяч рублей, которые приходились на долю Харьковского университета из суммы, ассигнованной в целом на потребности учебных округов. Однако ни те, ни другие деньги не выдавались. Каразин настоял перед графом Кочубеем о докладе государю о вышеупомянутых дворянских деньгах. Состоялось высочайшее повеление о выдаче их; но когда обратились за ними к министру финансов, тот заявил, что имеется высочайшее повеление о выдаче упомянутых денег лишь в следующем году. К довершению огорчения Каразина он получил в это время письмо от Потоцкого, в

котором тот сообщал ему о своих неприятностях. Пребывание за границей делало для Потоцкого удобным подыскивание для Харьковского университета профессоров, которых, за недостатком сведущих людей в России, приходилось тогда приглашать оттуда. Потоцкий вступил в переговоры с несколькими учеными, но эти переговоры не могли привести ни к чему, так как ему не высылали из Петербурга денег для уплаты приглашаемым расходов по переезду в Россию и трети жалованья вперед, – условие, которое поставил сам Потоцкий приглашаемым и которое он не мог выполнить. Не желая больше компрометировать себя, он прервал начатые переговоры и не заводил новых. Просьбы Потоцкого о высылке денег оставались без результата, и он совершенно отчаялся в успехе дела. Раздраженный всеми этими обстоятельствами, оскорбляемый постоянно в министерстве народного просвещения, где были крайне недовольны его пребыванием в важной должности управителя дел главного правления и всячески старались причинить ему неприятности, стараясь решать дела помимо него, возмущенный полным беспорядком, царившим в делах министерства, Каразин обратился 16 августа 1803 года к Александру I с резким письмом, представлявшим настоящий обвинительный акт против министра народного просвещения и вообще всех, от кого зависело направление дел по народному образованию. Указав на приведенные выше обстоятельства, тормозившие ход дела Харьковского университета, Каразин обращал внимание государя еще на факты следующего рода. Министр народного просвещения, граф Завадовский, в ответ на настояния Каразина о выдаче, по крайней мере, 40 тысяч рублей на расходы по устройству университета, заявил, что открытие университетов – совершенный вздор. Когда же, наконец, Каразин настоял на отпуске 18 тысяч рублей и они были отпущены, то было точно указано, на что именно эти деньги должны быть истрачены, причем указания эти отнимали всякую возможность тратить их. Так, например, на приобретение физического кабинета было назначено всего 500 рублей, т. е. сумма, на которую тогда невозможно было купить и одного порядочного инструмента. В таком же порядке шли и остальные дела по министерству народного просвещения. За год со времени учреждения министерства успели только издать «предварительные правила», составленные Каразиным, да устав одного университета. Устав Дерптского университета, совершенно готовый, рассматривается целых три месяца. За год министерство еще не узнало, какие учебные заведения находятся в его ведении, и наоборот, многие заведения не узнали еще о существовании министерства, адресуя свои бумаги по-прежнему в старую комиссию народных училищ. Члены главного правления училищ никак не

могут узнать, какие средства имеются в распоряжении министерства. В Казанский округ был назначен попечителем 75-летний старик, ровно ни к чему не способный и ранее совершенно расстроивший гимназию, которою он заведовал; протест Каразина против этого назначения оставлен без внимания. В производстве дел царил полный хаос:

«Правление иногда не знает, что делается у попечителей; иногда же попечители относятся к министру; сей посылает в правление, а правление отсылает к попечителям, которые нередко опять представляют министру одно и то же дело, утолстившееся только на круговом пути своем от бесполезных таковых отношений, предложений и представлений. Дела ведутся по-домашнему: собираются у министра в гостиной комнате за ломберным его столом, и в его присутствии читают его же предложения, на них отвечают и собственные рассуждения делают, поминутно прерываемые его сбивчивыми и темными фразами. Так что он в одно время бывает и предлагатель, и исполнитель, и член, и председатель, и министр. Сего недовольно: часто он, забывшись, собственные свои приговоры принимает за мнения членов, оспаривает их или берет к себе в кабинет исправлять; а после нескольких дней читают в собрании ту же бумагу и опять исправляют как бы новость, которая прежде никогда не была предметом рассуждений; и сей порядок – увы! – нередко возобновлялся два и три раза сряду над одним и тем же делом».

О тогдашнем министре народного просвещения графе Завадовском сохранились следующие авторитетные отзывы: граф Строганов писал в 1804 году Новосильцеву: «Наше народное просвещение идет немного тихо. Господь Бог, создавши мир в шесть дней, почил в седьмой, а наш министр делает лучше: он ничего не делает шесть дней и, несмотря на то, отдыхает в седьмой». Еще решительнее отзыв императора Александра I, который писал Лагарпу в 1803 году: «Сожаления ваши о назначении Завадовского министром народного просвещения весьма бы уменьшились, если бы вам была известна организация его министерства. Он не имеет никакого значения. Всем управляет совет, состоящий из Муравьева, Клингера, Чарторыйского, Новосильцева и др.; нет бумаги, которая не была бы обработана ими, нет человека, назначенного не ими. Частые сношения мои, в особенности с двумя последними, мешают министру ставить преграды

тому добру, которое мы стараемся делать. Впрочем, мы сделали его уступчивым донельзя, – настоящая овца; словом, он ничтожен и посажен в министерство только для того, чтобы не кричал, что он отстранен». Однако, как видно из свидетельства Каразина, Завадовский, именно в силу своей ничтожности, ставил преграды всякому добру, которое могло делать министерство народного просвещения. И такой человек оставался во главе этого нового министерства целых 8 лет – именно то время, когда оно должно было проявлять широкую реформаторскую деятельность, – и все потому, что Александр желал, чтобы этот совершенно ничтожный, по его мнению, человек, «настоящая овца», «не кричал, что он отстранен». Этот любопытный факт бросает яркий свет на характер эпохи и самого Александра I. Вместо одной канцелярии заведено три, причем одна вечная – министра, ничего не делая, стоит 22 тысячи рублей, а еще одна, стоящая 5 тысяч рублей, занята исключительно записыванием доходов с «щукинского» дома (всего 13 тысяч рублей), на которые содержалась третья канцелярия – работающая.

Приведенное нами письмо служит образчиком той бесцеремонной прямоты, с которою Каразин отзывался о людях и делах как в частных разговорах, так и в официальных бумагах, не исключая и представлений императору. Неудивительно, что Каразин сумел вооружить против себя всех тогдашних сильных людей, а они в свою очередь сумели избавиться от этого беспокойного человека. Ниже мы еще будем иметь случаи привести примеры подобной же прямоты Каразина, всегда называвшего вещи по их именам.

Мы не знаем, какой результат последовал от этого письма Каразина Александру I. Во всяком случае, дело Харьковского университета по-прежнему было заторможено. Нет сомнения, что всякий другой на месте Каразина, встречая отовсюду одни препятствия и ниоткуда поддержки, давно бы счел себя вынужденным оставить данное дело. Но Каразин, как мы видели, считал дело Харьковского университета делом своей чести; к тому же он слишком любил свою Украину, для которой университет, по его мнению, составлял насущную потребность. И он решил довести дело до конца, каких бы личных лишений и неприятностей оно ему ни стоило. Положение его еще ухудшалось благодаря личным неприязненным отношениям к нему многих из тогдашних людей власти. О Завадовском и говорить нечего: он не терпел Каразина как человека, не дающего ему покоя и могущего без церемонии доводить обо всем до сведения императора. Но вот образчик отношения к нему других сановников. Когда в Харькове состоялись постановления дворян и горожан о пожертвованиях,

Каразин послал первое известие о том Трощинскому, при котором он тогда еще числился на службе, будучи уверен, что тот немедленно доведет об этом выдающемся факте до сведения императора. Но Трощинский даже не подумал об этом.

Кочубей, тогдашний министр внутренних дел, к которому Каразин обратился с письмом за два дня до вышеприведенного письма к Александру I, прося его распоряжений о сдаче домов, предназначенных для Харьковского университета, и выдаче денег, следовавших харьковскому дворянству за подводы, – позволил себе сказать, обращаясь к Сперанскому, игравшему тогда в министерстве внутренних дел первую скрипку: «Развяжите меня как-нибудь с этим человеком». При таких-то отношениях с тогдашними министрами Каразин должен был постоянно напоминать им о своем любимом детище, хлопотать за него, просить, требовать. И Каразин делал все это, не оставляя ни на минуту в покое всех, от кого зависело подвинуть дело к окончанию, и делая многое, если не все, за свой страх и на свой счет. И только благодаря такой настойчивости, пренебрежению к своим личным обидам и оскорблениям, щедро сыпавшимся на него, и пожертвованию своими средствами, Каразин довел дело до конца.

Ввиду того, что Потоцкий, не получая нужных средств, прекратил всякие переговоры с иностранными учеными, которых предполагалось пригласить в профессора Харьковского университета, – Каразин решился действовать в этом направлении на свой страх. В бумагах его имеются письма Фихте, Гильденбрандта, Пуассона, Лаланда, Рейха и других, с которыми он вошел в переписку по данному поводу. В то же время Каразин был озабочен и приисканием слушателей для будущего университета. В Харькове он нашел до 50 молодых людей, «годных к непосредственному поступлению студентами». Но этого числа ему казалось мало, и он уговорил Новосильцева, – опасаясь; выступить лично, чтобы не повредить делу, – представить министру народного просвещения записку о необходимости просить, чтобы из семинарий, находящихся в Харьковском учебном округе, не требовали учеников в Петербургскую учительскую семинарию, а помещали их в Харьковский университет. Представление об этом было сделано в июне, а подписано министром только в ноябре. Между тем нужно было заботиться и о приготовлении помещения для университета. Дома для этого были кое-как получены; но их нужно было перестраивать, переделывать, вообще приспособлять к новому назначению. Харьков был тогда еще настолько первобытным городом, что в нем не было представителей многих ремесел, необходимых для постройки и отделки порядочного здания. Лица, которым Каразин поручил продолжать начатые

им в Харькове работы, писали ему, чтобы он прислал им необходимых мастеров. Каразин стал просить об отпуске необходимых для выписки мастеров средств. Ему было отказано в этом. Тогда он занял 9525 рублей у разных лиц и на них выписал из-за границы 32 семейства мастеровых, которых и отправил в Харьков (только эти деньги и были ему возвращены).

Благодаря таким экстраординарным мерам Каразина дело открытия Харьковского университета, несмотря на все препятствия, близилось к окончанию. Невыносимое положение Каразина на службе в министерстве народного просвещения, на которой он оставался исключительно ради содействия делу университета, теперь, ввиду близкого благополучного окончания его, заставило Каразина выйти в отставку, которая и состоялась 27 августа 1804 года. Материальное положение его в это время было ужасным. В письме к Сперанскому от 1810 года он так описывал это положение:

«Меня бросили на площади без всякого милосердия! Я издерживал *на все про все* собственные деньги, нахватывая их где только мог. Но после моей отставки насилу, *из милости*, выпросил мне добрый князь Чарторыйский столько, чтобы я мог выехать из Петербурга, и к тому в дополнение принужден я был еще заложить последний перстень».

Тем не менее Каразин в это время торжествовал, так как его усилия увенчались успехом: 17 января 1805 года Харьковский университет был открыт, и первым почетным членом избрали, разумеется, его.

Глава IV

Охлаждение Александра I к Каразину и причины этого. – История с Сенатом. – Отношение к Каразину императорского окружения. – Деятельность Каразина вне службы. – Попытка служить сербскому делу

Как мы видели, в самый разгар работы Каразина на пользу просвещения России работа эта была парализована прекращением того благоволения, которое имел к нему Александр. Это неожиданное охлаждение, стеснив, а затем совсем прервав деятельность Каразина в данном направлении, прекратило и реформационную деятельность в области народного образования. Начатая на широких основаниях преобразовательная деятельность в деле просвещения России с устранением Каразина приняла обычный канцелярский характер и, вместо осуществления широких планов, которое составило бы настоящую эпоху в нашей истории и дало бы России небывалую силу, привела к самым скудным и жалким результатам.

Чем же было вызвано охлаждение к Каразину Александра, отнесшегося к нему сперва с такой чрезвычайной благосклонностью и некоторое время оказывавшего ему чрезвычайное внимание?

Причины тому крылись как в характере Александра I, так и в характере самого Каразина, и, наконец, в его положении среди лиц, окружавших Александра I в эту эпоху.

Непостоянство Александра I, его изменчивость как во взглядах и настроении, так и в личных привязанностях, слишком известна, чтобы распространяться об этом предмете. Первые годы своего царствования Александр был окружен тесным кружком, состоявшим из Строганова, Новосильцева, Чарторыйского и Кочубея. Отношения его с этими лицами – отношения близкой, тесной дружбы. Но проходит несколько лет – и после Тильзитского мира названные лица сходят со сцены. Наступает очередь Сперанского: он не только министр, но и друг Александра I. Но через несколько лет Сперанский не только падает, но и попадает в ссылку. Затем следует ряд других лиц, пока дело не доходит до мистиков и, наконец, до Аракчеева, Фотия и Магницкого. Привязанность Александра I к Каразину, таким образом, не могла быть прочною уже по характеру Александра I; а

быстрому окончанию ее содействовали и личные качества Каразина, и старания окружавших императора.

В характере Каразина были черты, которые, при всей их положительности, делаются нередко в тягость ближним. Мы видели, что Каразин отличался необычайной прямотою. Исполняя буквально просьбу Александра I говорить ему всегда правду – просьбу, которая так согласовалась с его собственным характером, – Каразин, с одной стороны, неизбежно наживал себе врагов среди сильных тогда людей, близких к Александру, а с другой – далеко не всегда был приятен и последнему. Выше уже приводились примеры той резкости, с которою Каразин раскрывал Александру глаза на то, что делалось кругом него. Уже значительно позже, в 1820 году, когда он не представлял для Александра решительно никакого интереса, Каразин говорил ему все ту же бесцеремонную правду, решительно не заботясь о последствиях, как это уже отчасти видно было из приводившихся выше цитат из записки 1820 года и будет еще виднее ниже. Выше мы приводили также образчик того, как говорил Каразин в прошении, поданном императору Николаю, которого он пытался убеждать в невозможности повернуть назад колесо истории. Понятно, что «правда», высказываемая Каразинным Александру I в период благоволения к нему государя, была еще резче, еще бесцеремоннее. В числе напечатанных писем Каразина к Александру I имеются два письма, относящиеся к одному эпизоду, в котором ярко выразилось отношение Александра и окружающих его к вопросу об ограничении верховной власти, о чем в то время было много разговоров.

В определении прав и обязанностей Сената, изданном 8 сентября 1802 года, ему было предоставлено право делать представления императору о тех высочайших повелениях, исполнение которых связано со значительными неудобствами или которые несогласны с прежними законами. Вскоре представился случай применить это право Сената к делу. В декабре 1802 года поступил в Сенат высочайше подтвержденный доклад государственной военной коллегии о правах дворян относительно военной службы. Этот новый закон во многом противоречил прежним законам по тому же предмету. Надо заметить, что в то время сенаторы, не исключая даже таких, как Державин, были весьма склонны к тому, чтобы придать Сенату роль учреждения, ограничивающего верховную власть. В этом смысле Сенатом был даже составлен особый проект своего преобразования, и даже Державин представил Александру I особый проект, в котором хотел придать Сенату роль конституционного учреждения. И, однако, лишь только представился случай проявить некоторую

самостоятельность, которая была притом вменена Сенату в обязанность, – сенаторы не решились сделать нужного представления. Нашелся только один сенатор, устыдившийся подобной трусости; это был Потоцкий, о котором как о первом попечителе Харьковского учебного округа упоминалось выше. Он решился внести в Сенат свое особое мнение, но, плохо владея русским языком, поручил Каразину, с которым был в дружеских отношениях, составить нужную записку. Сенат четыре раза назначал время для слушания этой записки и четыре раза откладывал его. Тогда возмущенный таким поведением Сената Каразин обратился к Александру I с письмом, которое приводим полностью, так как оно дает полное понятие о благородстве характера Каразина, особенно при сопоставлении его поведения с поведением Сената, а также о том, как мало умел он соблюдать политику в своих отношениях с Александром I. Вот это письмо:

«Государь! Кто чтит, кто любит вас искреннее, тот должен быть и дерзновеннее других: ничто меня не остановит, когда дело идет о славе вашей. В Сенате не смели читать известного вам уже мнения гр. Потоцкого, не доложась. *Приобыкли, бедные, и шагу для общего добра не сделать без именного повеления.* Сегодня, думаю, министр юстиции, к стыду россиян, представит вам на разрешение, позволите ли сенаторам выслушать только сию бумагу, невзирая, что всяк из них ясно видит, что она писана на основании вашего точного дозволения. Я не говорю о самом мнении, *предугадывая, как Александр поступит*, если Сенат, уважив оное, войдет с формальным докладом. Но осмеливаюсь и спешу донести, что люди, преданные вам и общему добру, *ожидают от вас на нынешнее представление ответа гласного, назначенного сделаться известным публике*, от которой, конечно, не укроется, что вас о сем спрашивали. *Первый еще случай вы имеете, государь, обожающему вас народу и Европе вместе с ним доказать решительно образ ваших мыслей и возродить семена любви к отечеству и общественного духа.* Важный случай сей есть, может быть, *и единственный, ибо эгоизм и низость ждут только малейшего движения вашего в их пользу, чтоб, по крайней мере, на пятьдесят лет вперед обеспечить свое владычество».*

Письмо это не привело ни к каким последствиям. Тогда Каразин, бывший в это время на пути в Харьков, чтобы принять на себя там

устройство помещений для университета, послал из Москвы другое письмо Александру. В этом письме он выражается еще решительнее, высказывая свою уверенность в том, что император:

«в сем решительном случае не упустит доказать свету, что его слова, в манифестах сказанные, суть и в век пребудут словами самой истины, не станет, следовательно, ни под каким видом ограничивать того, что единожды нарек коренным, непрелагаемым законом; поддержит дух, развитой во всех деяниях его царствования, дух совершенной политической свободы; не захочет одним ударом уничтожить на полвека, по крайней мере, всякую смелую деятельность в том сословии, которое он сам желал ободрить и возвысить».

Письмо это заканчивалось следующим патетическим воззванием:

«Я не прошу прощения в моем дерзновении; если ты – тот Александр, надежда и любимец России, которым заняты были все мечтания моей юности, к которому усердия жар и ныне еще, в возрасте зрелого ума, увлекает меня в легкомысленные, по стремительности своей, поступки; если ты тот подлинно – на что мне извиняться? Если же ты только самодержец, то такие оправдания не могут уменьшить вины моей, и я готов понести за нее наказания, готов теперь, в самом цветущем периоде моей жизни».

Насколько могла быть приятна Александру эта «правда» Каразина и насколько вообще Александр I был склонен к практическому осуществлению своего желания «обуздать деспотизм нашего правления», ясно видно из того, что вопрос о праве Сената делать представления по поводу новых законов получил вскоре разъяснение в том смысле, что это право относится только к тем законам или указам, которые вышли до предоставления означенного права Сенату. Таким разъяснением совершенно уничтожалось только что предоставленное право, и громкий указ 8 сентября 1802 года превращался просто в какую-то шутку. Понятно, что люди вроде Каразина, принимавшие всерьез громкие фразы манифестов, вышедших в первые два года царствования Александра I, и требование оправдания этих фраз делом, не могли быть особенно довольны.

Против Каразина действовала и интрига. Приближение Каразина к Александру I было неприятно и для молодых друзей последнего, вышеупомянутых «неразлучных» – Чарторыйского, Новосильцева, Строганова и Кочубея, и екатерининских служак – Завадовского, Трощинского, Державина и других, – для обеих групп приближенных Александра в первые годы его царствования. Он был чужой и тем, и другим, чужой и непонятный. Первые, составляя тесный кружок друзей юности императора, относились с неудовольствием к новому конкуренту на интимную дружбу с Александром; вторым он был страшен своею прямою, правдивостью и бесцеремонностью, с которыми он, как мы видели, восставал против всяких злоупотреблений. Для тех и других он был «tête chaude»,^[7] которую во всех отношениях лучше спровадить подальше. Четверо вышеупомянутых друзей Александра I были люди щепетильных понятий и едва ли лично делали что-нибудь, чтобы повредить Каразину; но вместе с тем они оставались спокойными свидетелями интриг против него со стороны второй группы приближенных и не поддерживали его даже в тех случаях, когда должны были это сделать в силу своих политических убеждений, как, например, в вышеизложенной истории с Сенатом. Интрига не церемонилась в своих средствах. Еще в начале благоволения Александра I к Каразину, однажды во время представления драмы Шиллера «Дон Карлос» в придворном театре один из сановников произнес громко, чтобы слышал император: «И у нас появился маркиз Поза», причем все присутствующие оглянулись на Каразина. Такие выходки не могли не действовать на самолюбивого Александра. Практиковались вещи и похуже. Император пишет письмо Каразину в Калугу, где тот был по вышеупомянутому делу Лопухина; письмо это прочитывается на почте, и содержание его делается известным многим, что доходит до сведения Александра I. Последний приписывает это нескромности Каразина. Была еще одна история, которая давала возможность выставить Каразина в невыгодном свете перед Александром. Умер один из крупных помещиков Слободской Украины – Надаржинский. Имение его переходило к его дочери. Племянник покойного, Кондратьев, возбудил иск, утверждая, что дочь эта родилась до брака Надаржинского и его жены, стало быть, как незаконная не может наследовать, и потому имение должно перейти к нему. Дело решилось уже в пользу Кондратьева, когда в него вмешался Каразин, считавший своею обязанностью вступить за молодую Надаржинскую. Он изложил Александру дело и просил его поручить рассмотрение тяжбы воспитателю государя Лагарпу и Державину, бывшему тогда министром юстиции. Так как Лагарп в это время уехал во

Францию, то дело рассматривал один Державин. Последний, не особенно благоволивший к Каразину, тем не менее дал заключение в пользу Надаржинской, которая и унаследовала имение отца. По окончании дела Каразин посватался к Надаржинской, но получил отказ, так как она дала уже слово другому. Враги Каразина не замедлили представить это дело императору в том смысле, что Каразин руководился в этой истории корыстными целями, так как имел в виду воспользоваться спорным наследством как приданым. Вообще, интрига не упускала ни одного случая повредить Каразину, и в связи с резкостью его достигла успеха. Благоволение Александра к Каразину исчезло, и монарх потерял верного друга и слугу, а отечество – полезного работника, который так много сделал добра за короткий промежуток своей близости к власти и обещал сделать неизмеримо больше. Каразину пришлось удалиться из правительственных сфер в деревенскую глушь, где он, однако, не впал в бездействие, а продолжал работать для блага своего отечества, но на иных уже поприщах.

Прежде чем перейти к рассмотрению последующей жизни Каразина и новой его деятельности, сделаем еще несколько замечаний о его внеслужебных занятиях в период 1801–1804 гг. Выше уже говорилось о разных щекотливых поручениях, которые давал ему Александр I и образчиком которых является вышеприведенное дело Лопухина. Но Александр давал Каразину поручения и иного рода, как, например, поручения пересмотреть статут ордена св. Владимира, составлять записки по разным вопросам законодательства и т. п. К его знаниям и талантам прибегали и тогдашние сановники, как это мы видели на примере Потоцкого. Пользовался его услугами и такой человек, как Сперанский. В числе опубликованных материалов для биографии Каразина есть следующая записка к нему Сперанского: *«Весьма, весьма вам благодарен. Я сижу точно как в тумане, окружен мыслями о законах, о установлениях, о порядке, коего тщетно в мире и в голове моей ищу и который нахожу в ваших бумагах. Теперь начинаю писать наказ. Завтра ожидаю вас поутру; если не застанете меня дома, прошу немного подождать: я в семь с половиной возвращусь»*. На особом листке, приложенном к нему, значится:

«1. О крестьянах

1) обещание

2) источники коммерции

3) местное управление

2. О государственных делах, какие есть государственные дела, или какие должны быть предметы управления совета»

Это, по-видимому, конспект предметов, мнение о которых Каразина было желательно знать Сперанскому. Как видим, влияние Каразина имело место и там, где его мы всего менее могли ожидать.

Позднее, в 1810 году, когда Сперанский был в апогее своего величия, Каразин обратился к нему с письмом, в котором просил его содействия в получении ссуды из казны под залог своего имения для устройства селитряного завода, в котором он имел в виду применить новый, открытый им, способ добычи селитры. Для выдачи подобных ссуд существовала особая сумма; но Каразину ссуды не давали, требуя, чтобы он предварительно открыл свой секрет, на что тот не соглашался. Он просил у Сперанского «одного его слова». Письмо заканчивается словами: «Если я писал только к тайному советнику, etc., etc., etc., а не к человеку... Бог с вами». Оказалось, что письмо действительно попало к тайному советнику, а не к человеку, так как Сперанский даже не ответил. Каразин, по своей наивности, очень не вовремя напомнил Сперанскому о том, что они «были некогда друзья» и Сперанский величал его в письмах своих «единственным душевным другом».

Мы видели, что Каразин постоянно вмешивался всюду, где замечал поправную правду, и этим путем наживал себе массу работы. Но всем перечисленным выше не исчерпывалась обширная и разносторонняя деятельность Каразина в течение 1801–1804 гг. Нужно упомянуть еще о журнале «Ежемесячное сочинение об успехах народного просвещения», который он вел во время пребывания в должности управителя дел главного правления училищ. Есть упоминание еще о *рукописном* педагогическом журнале, который составлял Каразин для императрицы Марии Федоровны.

Прежде чем обосноваться после отставки в деревне, Каразин пытался послужить совсем особым образом делу освобождения балканских славян. Сведения об этом находим в любопытных письме и объяснительной записке, посланных в ноябре 1804 года Каразиным к Чарторыйскому.

Каразин думал, что России «предназначена завидная доля быть защитницей рода человеческого: богатая внутренними силами, независимая во всех отношениях, она должна быть покровительницей угнетенных, как будет со временем судьей других царств». Однако до тех пор эта роль «защитницы рода человеческого» плохо выполнялась Россией, и первая попытка сыграть эту роль по отношению к населению Балканского полуострова при Екатерине II окончилась

«после стольких потраченных миллионов и пролития
столькой крови – и русской, и молдавской, и греческой, и вообще

славянской, не считая уже неприятельской, – покорением только Крыма, который превратили в пустыню из прекрасной и многолюдной страны, какою он был у турок. Нам, поистине, как будто уж судьбой назначено опустошать все, распространяя наши пределы, пользоваться на манер вандалов и гуннов и победами нашими, и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побеждать».

Но так как в это время на русском престоле восседал «гений мира и благотворного созидания», то Каразин был уверен, что теперь Россия не будет стремиться к завоеваниям и будет готова помочь возникновению «славянского царства, на престол которого воссядет один из братьев Александра». Создать это славянское царство он брался в 5, много в 10 лет, если ему позволят взяться за это дело и окажут то содействие, о котором он просит.

В это время сербы восстали против турок. Каразин получил письма, извещавшие его о том, что в Сербии готовятся послы к императору Александру с просьбою о заступничестве. Каразин умоляет не оставить этого ходатайства без удовлетворения, причем находит, что для оказания помощи восставшим нет никакой надобности вступать в активные враждебные отношения с Турцией, а достаточно, чтобы русское правительство послало к восставшим своего тайного эmissара, что покажет балканским народностям готовность со стороны России поддержать их, и этого одного будет достаточно для того, чтобы вызвать общее восстание на Балканском полуострове и оставить от турецкой империи одну тень. Эмиссаром он предлагал себя. Ехать в восставшую Сербию он брался на свой страх; он просил только, чтобы его тайно рекомендовали сербским депутатам именно как эмиссара русского правительства и чтобы было дозволено отправиться с ним четверем добровольцам, из которых один был механиком, другой – химиком, третий – минералогом, а четвертый, серб, должен был играть роль секретаря при эмиссаре. В случае неудачи миссии правительство могло отказаться от нее как предпринятой по собственной инициативе участников.

Предложение Каразина не было принято – и он отправился на свою Украину.

Глава V

Отношение Каразина к крестьянскому вопросу. – Устройство принадлежавших ему населенных имений. – Заступничество крестьян. – Каразин-крепостник

В первые годы царствования Александра I вопрос об улучшении положения крепостных крестьян был выдвинут на первый план. Сам император был склонен даровать крестьянам полное освобождение. Однако эта склонность в нем, как и многие другие прекрасные склонности, были парализуемы странными опасениями то недовольства помещиков, то волнений среди крестьян, то трудностей дела. Практически сочувствие Александра угнетенному положению крепостных привело только к указу о непринятии объявлений для напечатания в ведомостях относительно продажи людей без земли (мысль о *запрещении* продажи людей без земли не была осуществлена ввиду ее «опасности»), к прекращению раздачи в *собственность* населенных имений (что не мешало раздавать их в виде *наследственных аренд*), учреждению «свободных хлебопашцев», в которые помещики могли переводить своих крестьян, буде пожелают (пожелали 160 помещиков, взыскавшие при этом с освобожденных крестьян – 45153 душ – в среднем по 396 рублей с души), да к некоторым другим малозначительным мерам. Ничтожность предпринятого в пользу крепостных особенно поразительна при сравнении с нередкими заявлениями Александра I о своем отвращении к крепостному праву и желании освободить крестьян.

Так же малопоследовательны были и те из окружающих Александра I в начале его царствования, которые много говорили о бедственном положении крепостных и необходимости улучшения этого положения, а между тем ровно ничего не делали для того, чтобы облегчить собственных крепостных, и спокойно оставались крепостными владельцами равных себе, что так возмущало их в теории. Рядом с этими лицемерами едва ли не более симпатичными являются такие откровенные крепостники, как Державин и Карамзин, которые прямо высказывали свои симпатии крепостному праву, хотя эта откровенность и не могла нравиться Александру I.

Каразин не принадлежал ни к крепостникам, ни к либеральным

противникам крепостного права, остававшимся на деле крепостниками. Его воззрения на вопрос, равно как и практическое отношение к нему, стоят совсем особняком.

Крестьяне, по взгляду Каразина, отнюдь не были собственностью помещиков. Против такого взгляда на крепостных Каразин вооружается всеми своими силами. Они – такие же «подданные государства», как и помещики. Самое слово «крестьяне», с которыми веками связывалось понятие о крепостничестве, было ненавистно Каразину, и он предлагал не употреблять его.

Отношение помещика к крестьянам слагалось из двух элементов: во-первых, он был наследственным управителем их, начальником и, во-вторых, собственником земли, на которой жили крестьяне.

«Помещика разумею я, – писал Каразин в 1810 году харьковскому губернатору Бахтину, – наследственным чиновником, которому правительство, дав землю для населения, вверило чрез то попечение о людях (поселянах), на оной жить имеющих, и за них во всех случаях ответственность. Он есть природный покровитель сих людей, их гражданский судья, посредник между ними и высшим правительством, ходатай за них, попечитель о неимущих и сиротах, наставник во всем, что принадлежит к добру их, наблюдатель за благоустройством и нравами: одним словом, в отношении к государству он есть их генерал-губернатор в малом виде».

Так как помещик есть чиновник, управляющий крестьянами по поручению государства, то это управление есть государственная служба, которая

«должна на себя обращать, как и все прочие, внимание правительства, его награды, его одобрения, его руководство, его наказания. Незаботливость у нас державной власти об управлении помещиками людей, причтение сих последних к делу домашнему, не государственному, вкрались к нам из чуждой для нас системы. Это смешение начал породило множество зол: своеволие помещиков, их жестокость, их привычку почитать людей, им вверенных, собственностью, их удаление из поместьев в столицы, следовательно, развращение их, мотовство, разорение именитых домов и проч., и проч.» (Записка 1820 г.).

Итак, крестьяне отнюдь не собственность помещиков. Крепостное право – отнюдь не «право», а злоупотребление, дурная «привычка», обусловленная «незаботливостью державной власти». Власть помещика над крестьянами есть власть поставленного над ними чиновника, и потому пользование этою властью подлежит контролю со стороны государства, награждению и наказанию. Мало того: «закон и правительство должны блюсти», чтобы «удаление от благородных чувствований неминуемо влекло за собою извержение из благородного сословия», т. е. из помещиков. Тут уж Каразин высказывал, хотя и не вполне определенно, мысль о лишении помещиков «вверенных» им крестьян в случае злоупотребления властью, данной помещикам лишь для попечения о крестьянах, – мысль, которая и в голову не приходила тогдашним либеральным противникам крепостного права.

Если у помещика нет никакого права на крестьян, а есть только власть над ними, то он не имеет никакого права на какие-либо повинности с их стороны в свою пользу в качестве их владельца, каковым он вовсе не состоит. Право его на повинности возникает из того факта, что земля, которою пользуются крестьяне, предоставлена государством в его собственность, потому размер этих повинностей должен соответствовать выгодам, получаемым крестьянами от пользования этою землею.

Вопрос о взаимных отношениях крестьян и помещиков занимал Каразина с ранней молодости. Еще в 1792 году, когда он вступил в управление имениями, пожалованными его отцу Екатериною II, и когда, следовательно, ему было всего 19 лет, он задумывался над вопросом об этих отношениях. В 1795 году он уже устроил в имении Кручик сельскую думу, о которой мы будем говорить ниже, а в 1805 году, тотчас по оставлении службы и поселении в деревне, он регламентировал повинности своих крестьян, которые они должны были нести по отношению к нему как помещику. Регламентация эта выражалась следующим образом.

Каждому крестьянину, или, по выражению Каразина, «поселянину», достигшему совершеннолетия, давалось семь с половиною десятин пахотной земли, одна десятина сенокоса и полдесятины под усадьбу. Земля эта отводилась в вечное наследственное владение. Если у нового домохозяина не было дома, полученного в наследство от отца, ему давался нужный для постройки лес. Если было нужно, выдавалась ссуда из учрежденного Каразиным общественного капитала. Для отопления каждому хозяину отпускалось из помещичьего леса четыре кубических сажени дров и весь нужный поделочный лес – для ремонта

сельскохозяйственных орудий и огорожи.

Повинности, которые должен был нести каждый домохозяин по отношению к помещику за пользование всеми вышеупомянутыми угодьями, определялись следующим образом. Средняя цена пашни в данной местности (Богодуховский уезд Харьковской губернии) в то время составляла 45 рублей; цена покосной земли – 40 рублей. Таким образом, 8 десятин пашни и усадьбы и одна десятина покоса, составлявшие надел двора, стоили по тогдашним ценам 400 рублей. Определяя доход с этой суммы в 6 % – тогдашний узаконенный процент, – Каразин установил, что плата за землю должна была составлять 24 рубля. Затем за лес, отпускаемый на постройки и ремонт их, – 6 рублей в год, за 4 куб. сажени дров, по 3 рубля сажень, – 12 рублей и за поделочный лес – 3 рубля. Всего, таким образом, повинности с двора составляли 45 рублей в год. Уплачивая эту сумму, поселянин затем оставался совершенно свободен от всех поборов, которые были так многочисленны и разнообразны у помещиков того времени. 45-рублевый оброк крестьянин мог уплатить деньгами, а мог и отработать, причем для переложения этой повинности в натуральную бралась в расчет средняя тогдашняя стоимость рабочего дня в 30 копеек, так что для погашения всего оброка нужно было затратить 150 рабочих дней. Последняя цифра дворового оброка принималась за неизменную, тогда как денежное определение оброка должно было изменяться каждый год соответственно изменению ценности рабочего дня.

Земля поступала в наследственное пользование крестьянина. Через 10 лет со времени получения участка крестьянин получал право закладывать и даже продавать его, с тем только, чтобы продавец принимал на себя лежащие на земле повинности. Допущение отчуждения земли нельзя не признать слабою стороною плана Каразина; но вместе с тем надо заметить, что оно являлось реальным признанием права собственности крестьян на землю.

Но прежде чем решить поземельное устройство своих крестьян, Каразин позаботился дать им правильное административное и судебное устройство. Еще в 1793 году он устроил в селе Кручик сельскую думу, которая состояла из двух выбранных крестьянами стариков и самого Каразина. В 1804 году, поселившись в деревне, Каразин преобразовал сельскую думу, которая в новом составе имела председателем Каразина и членами старшего и младшего выборного, из которых первый был вместе с тем и церковным старостой, а младший заведовал сельскою полицией и назывался благочинным; к числу членов думы принадлежали также священник и особый «надзиратель», старый отставной офицер, живший у

Каразина на покое. Из членов думы трое получали жалованье: старший выборный – 42 рубля в год, младший – 60 рублей и надзиратель —120 рублей. Постановления думы записывались писарем, который получал 24 рубля в год и имел право получать, кроме того, с крестьян за внесение в особую книгу заключаемых ими друг с другом договором одну пятидесятую часть их ценности. Дума заседала раз в неделю. Она ведала как административные, так и судебные дела, и руководствовалась общими государственными законами, а в тех случаях, относительно которых не было узаконений, особыми постановлениями самой думы.

Из других установлений Каразина относительно внутренних распорядков села Кручик следует остановиться на способах отбывания рекрутской повинности, организации опеки, устройстве училища и создании общественной суммы.

Рекрутская повинность, до издания устава об общей воинской повинности, ложилась страшным бременем на народ. Тягость ее еще усиливалась при крепостном праве теми злоупотреблениями, которыми сопровождалась сдача в рекруты. Достаточно напомнить торговлю людьми для сдачи в рекруты и сдачу крепостных в рекруты в виде наказания. Каразин, чтобы облегчить отбывание этой тяжелой повинности для своих крестьян, установил следующий порядок. По получении требования известного числа рекрутов сельская дума составляла список всех крестьян в возрасте от 19 до 29 лет. На этих крестьян разлагалась цена рекрута, которая вместе с расходами по сдаче рекрута определена была раз навсегда в стоимость 2 тысяч рабочих дней, что в 1805–1810 гг. составляло 600 рублей. Раскладка делалась неравномерно, смотря по росту, летам, составу семьи и зажиточности. В 1810 году этот сбор колебался от 2 до 20 рублей с внесенного в список. Те, кто подходил по росту к установленным требованиям, мог или внести причитающуюся на него долю платежа, или явиться к жеребьевке. Если охотников вынимать жребий не находилось, дума назначала, по своим соображениям, кто должен был брать жребий. Взявшие жребий являлись к освидетельствованию в рекрутском присутствии, начиная с взявших наименьшие номера, пока не было пополнено требуемое количество рекрутов. Из денег, собранных вышеуказанным путем, уплачивались расходы по доставке рекрутов, снабжению их бельем и одеждою, уплачивались «рекрутские деньги» и долги взятых в рекруты; остававшаяся сумма хранилась в общественной кассе, откуда взятый в рекруты ежегодно получал 6 % с этой суммы. Когда же взятый в рекруты, окончив службу, возвращался домой или водворялся в гарнизон, хранившаяся сумма полностью выдавалась ему на руки. Если он

возвращался в село Кручик, то ему отводилось дворовое место и отрезались, как и тягловому крестьянину, восемь с половиной десятин земли, но уже даром, без отбывания какой-либо повинности или платежа. Таким образом, благодаря введенному Каразиным порядку исчезал произвол в сдаче людей в рекруты; взятые на службу имели постоянное денежное пособие при нахождении на службе, а при выслуге избавлялись от того ужасного беспомощного положения, в котором оказывались обыкновенно отставные солдаты до введения нового устава о воинской повинности.

Крестьянские опеки представляют доселе жгучий вопрос деревенской жизни. И в настоящее время опека над крестьянскими детьми поставлена до того неудовлетворительно, что сплошь и рядом служит к полному разорению сирот. В прежнее же время не было и вовсе никакого определенного попечения об имуществе сирот. Ввиду этого, а также и ради попечения о самих сиротах, Каразин установил следующий порядок. По смерти крестьянина один из его сыновей садится на его хозяйство, а остальные получают новые участки земли и лес, необходимый для постройки дома. Малолетние получают участки *без вноса повинности*, и такую льготу они пользуются до совершеннолетия. Отведенная малолетнему земля, а также движимое имущество, поступившее в пользу его по наследству, отдаются в опеку назначенному думою домохозяину. Опекун или ведет хозяйство на земле малолетнего за счет и в пользу последнего, причем за свои труды получает 10 % из дохода с земли, или берет участок малолетнего как бы в аренду себе, уплачивая за него ту повинность, которую с подобного участка получает помещик, с уменьшением ее, однако, на 10 %, остающихся в пользу опекуна. Полученный тем или другим способом доход с земли малолетнего, за вычетом расходов по содержанию последнего, которые, по справедливому замечанию Каразина, в деревне совершенно ничтожны, так как здесь малолетние рано начинают зарабатывать свое пропитание, вносится в общественную кассу и полностью, с наросшими процентами, вручается достигшему совершеннолетия сироте. Если после крестьянина остаются дочери, они получают землю на тех же основаниях; для них время платежа за землю начинается с момента выхода замуж, причем, однако, они платят только *половину* установленной повинности. Бездетная вдова наследует участок мужа, но платит только *половину* повинности. Если никто из крестьян не пожелает быть опекуном сирот, опека переходит к *помещику, который*, обрабатывая землю в свою пользу наемным трудом, *вносит за участок положенные деньги в общественную кассу в пользу опекаемого*

малолетнего. При таком разумном порядке вещей сироты не только не разорялись, но, при совершеннолети, в их руки поступал порядочный капитал, с которым они могли начинать полное хозяйство.

Забота об образовании крестьян, в особенности крепостных, в то время представляла крайне редкое явление. Каразин, придававший, как мы видели, столь важное значение народному образованию и так много сделавший для дела просвещения в России, конечно, не мог не позаботиться о предоставлении своим крестьянам возможности получить образование. Он выстроил для школы особое здание, ремонт которого был возложен на крестьян. На содержание школы сельская дума отпускала цену 130 рабочих дней (в 1810 году это составляло 39 рублей). Из них цена 30 дней назначалась на подарки лучшим ученикам, а цена остальных ста дней составляла жалованье учителя. Сверх того, учитель получал с родителей учащихся цену от 3 до 30 рабочих дней, смотря по степени зажиточности их. Желавшие из крестьян могли отдавать своих детей, кончивших курс кручикской школы, в уездное училище, где должны были содержать их за свой счет. Если кто-либо из поступивших в уездное училище обнаруживал особенно блестящие успехи, тому Каразин давал вольную с тем, чтобы освобожденный из крепостного состояния впоследствии, когда будет занимать какое-либо место на государственной службе или получать доход от частных занятий, уплатил *в пользу общественной кассы* родного села стоимость 2000 рабочих дней.

Наконец, общественный капитал, заведенный Каразиним, играл обширную и разностороннюю роль в жизни его крестьян. Капитал этот образовался из сбора с крестьян, имевших на платном оброке землю; сбор этот равнялся цене полутора рабочих дней с десятины пашни и составлял всего по селу цену 1500 рабочих Дней; к полученной этим путем сумме Каразин *присоединял свой взнос, равный половине суммы, собранной с крестьян.* К этой сумме присоединялись пожертвования, штрафы, взыскиваемые по постановлениям думы с виноватых в разных проступках, сбор, установленный за отлучку из села, сбор с пчеляков (20-й улей каждой осенью) и т. д. Из этой суммы покрывались общественные расходы: жалованье священнику, дьячку и пономарю, ремонт церкви и школы, содержание школы, аптеки и фельдшера и разные мелкие расходы.

После покрытия всех общественных расходов получался остаток, служивший для образования общественного капитала. Капитал этот служил для выдачи ссуд крестьянам из 6 % годовых. Для той же цели служили, как сказано выше, суммы, принадлежавшие сиротам и крестьянам, отданным в солдаты.

Мы далеко не исчерпали всего, что нам известно об учреждениях, введенных Каразиным в принадлежащих ему имениях – селе Кручик и сельце Анашкино. Полагаем, однако, что сказанного достаточно для того, чтобы видеть, как серьезно и совершенно необычно смотрел Каразин на обязанности помещика по отношению к крестьянам и в какой мере он выполнял эти обязанности. Он был сторонником подчиненности крестьян помещикам; но эта подчиненность, которую он защищал, не имела ничего общего с тем, что существовало в действительности. Он требовал – и лично собою подавал первый пример тому, – чтобы помещики были достойны дарованных им прав и врученную им власть употребляли на благо «вверенных» им крестьян; если этого не было, если помещики злоупотребляли вверенною им властью, Каразин требовал вмешательства государства и оказания защиты крестьянам. Он восставал против злоупотреблений помещичьего властью и являлся на защиту крестьян всякий раз, как только сталкивался с проявлениями подобных злоупотреблений, считая себя не вправе быть безучастным зрителем страданий крестьян. Приведем здесь один характерный в этом отношении пример.

В 1820 году Каразин подал Александру I записку по поводу различных неурядиц, царивших в тогдашнем государственном управлении. Записку эту, о которой мы будем говорить ниже и цитаты из которой приводились нами многократно, Каразин писал в Петербурге. Здесь он встретился с одним из возмутительных злоупотреблений крепостного права – отдачею крестьян в наемные работы. Целый ряд помещиков выгоняли из отдаленных губерний своих крестьян в Петербург и Петербургскую губернию, где они поступали в распоряжение подрядчиков, плативших за то помещикам приличное вознаграждение. Эти несчастные, оторванные от своих семей, вынужденные бросить на все лето свое хозяйство, продавались как рабочий скот и содержались подрядчиками, как рабочая скотина. Каразин, ознакомившись с этим ужасным явлением, немедленно разузнал фамилии помещиков, сдававших внаймы своих крестьян, – это оказались преимущественно громкие графские и княжеские фамилии – и включил сведения об этом возмутительном деле в свою записку, не преминув разразиться по адресу тогдашних советников императора следующими горькими словами, которые, конечно, менее всего могли быть прощены сильными тогда людьми:

«Вероятно ли? В самых глазах друзей сих (т. е. тогдашних советников Александра I) многие тысячи народа, запроданные

как рабочий скот подрядчикам, вопиют к небу и, вспоминая своих несчастных жен и детей, оставленных за семьсот и более верст на скудных нивах, в одиночестве, со слезами бесславят государя (тогда как он ни о чем столько не заботится, как о доставлении им благосостояния и свободы!) – и они сего не донесут ему! не обратят ниже единым словом внимания его человеколюбивого сердца на *такой* предмет!., не избавят его от несправедливых укоризн народа, его обожать рожденного...»

Факты, вроде только что изложенного, с каждым годом убеждали Каразина в том, что вопрос об упорядочении отношений помещиков с крестьянами, об обуздании их произвола законом, об уничтожении дурной «привычки» считать собственностью крестьян, находящихся в личной зависимости от помещиков, является важнейшим вопросом русской жизни. В записке 1820 года, описывая самыми мрачными красками тогдашнее положение России, Каразин оканчивает одну из тетрадей этой записки словами: «Я не вижу ничего требующего *немедленного* внимания правительства, кроме отношения поселян к их помещикам. Сего одного отнюдь не должно откладывать».

Ратуя таким образом за крепостных крестьян, Каразин считал своею обязанностью вступаться также и за казенных крестьян. Выше мы уже приводили пример его заступничества за казенных крестьян, которых против их воли обращали в фабричных. Но, кроме частных случаев, вызывавших заступничество Каразина, он считал своею обязанностью обращать внимание правительства и на общее неудовлетворительное положение крестьян казенных селений. Между прочим, в записке 1820 года он обращал внимание тогдашнего министра внутренних дел, графа Кочубея, на чудовищную смертность среди казенных крестьян Слободско-Украинской (Харьковской) губернии.

«Не ужаснетесь ли, например, – писал он, представляя составленные им статистические таблицы названной губернии, – увидевши, что в казенном селении № 38, по десятилетней сложности, ежегодно из шестнадцати до семнадцати умирает один? Таковой смертности нигде не слыхано в Европе! Это настоящий мор: и кому, как не правительству, надлежит как можно скорее позаботиться открыть подлинные его причины и удалить их?»

Нет сомнения, что после всего сказанного в настоящей главе читатель будет весьма удивлен, узнав, что Каразин был убежденным крепостником. Он самым категорическим образом заявлял, что считает крепостное право «очень важным, ибо оно служит для отечества обеспечением, что поля не будут бесплодными степями, что промыслы останутся в своих пределах и что полиция городов не будет отягощена надзором над людьми без собственности, которые, не имея ничего терять, тем легче могут себе позволить незаконные средства к приобретению».

Таким важным казалось Каразину крепостное право. В другом месте он развивает указанные мысли более подробно и при этом утверждает, что крестьяне казенных селений живут беднее крестьян помещичьих, что объясняет отсутствием надзора за первыми. Мало того, Каразин находил, что помещики, переводившие своих крестьян на положение свободных хлебопашцев, имели в виду только одну цель – освободить себя от обязанностей по отношению к своим крестьянам и жить в праздности на полученный за отпуск на волю крестьян капитал.

Такое двойственное отношение Каразина к крестьянскому вопросу может показаться, без сомнения, совершенно непонятным. Оно было непонятно и многим современникам Каразина, как не было понятно и многое другое в этой своеобразной натуре. Памятником этого непонимания Каразина современниками является, между прочим, тот куплет в известном стихотворении Воейкова «Дом сумасшедших», который посвящен Каразину. Вот этот куплет:

«Вот в передней раб-писатель,
Каразин-хамелеон,
Земледел, законодатель!
Взглянем, что марают он?
Песнь свободе, деспотизму,
Возглас всем божкам земным,
Гимн похвальный атеизму,
И акафист всем святым».

Но в действительности между действиями Каразина по отношению к крестьянскому делу и его крепостническими убеждениями далеко не было такого резкого противоречия, как это кажется на первый взгляд. Во-первых, он считал крепостное право в той форме, в какой оно проявлялось у нас на деле – в форме признания крестьян помещичьего собственностью, –

совершенно незаконным, злоупотреблением, явившимся результатом попуска со стороны государственной власти, и находил, что для уничтожения этого злоупотребления достаточно, чтобы власть лишь проявила по отношению к крестьянам ту заботливость, которую она обязана проявлять; чтобы власть не поступалась своими правами в пользу помещиков, а, напротив, преследовала всякую узурпацию этих прав последними и избавляла крестьян от последствий неисполнения помещиками своих обязанностей. Для Каразина крепостное право, как он это прямо объясняет при исповедании своих крепостнических убеждений, было только «право подчиненности поселян своим помещикам» в том смысле, как сказано выше, т. е. в смысле лишь административной опеки и отношений землевладельца к вечно-наследственным арендаторам. Ввиду этого такие проявления крепостничества, как право ссылки крестьян, продажа их и даже сдача в наем и взимание «вывода» при выходе замуж крепостной крестьянки за казенного крестьянина или принадлежащего другому помещику, — были признаваемы Каразиным чудовищным противозаконием, против которого государственная власть должна была восстать всеми силами. Он не понимал, зачем нужны законодательные меры, которые освободили бы крестьянина, раз он юридически, законно не был никогда порабощен, а фактическое порабощение было только злоупотреблением, которое власть должна была просто прекратить. Во-вторых, будучи идеалистом, Каразин воображал, что власти нетрудно превратить помещиков в идеальных управителей крестьянами. Для этого он считал необходимым только, с одной стороны, строгое преследование всех злоупотреблений помещичьего властью, в числе которых он, как мы видели, помещал существеннейшие прерогативы крепостничества, а с другой — поощрение разумного и добропорядочного управления крестьянами со стороны помещиков как особого вида государственной службы. Для нас такой идеализм странен. Но не будем судить за него строго: человек судил о других по себе. А сам Каразин в отношениях с крестьянами был именно тем попечителем и заступником за них, идеал которого рисовался в его воображении...

Глава VI

Каразин как ученый и хозяин. – Филотехническое общество

Вместе с заботами об улучшении положения «вверенных» Каразину крестьян деревенскую жизнь его наполняли ученые работы и хозяйственные занятия. И во всех этих областях деятельность Каразина являлась выдающейся, совершенно необычайной для того времени.

Как ученый Каразин остается совершенно неизвестным. А между тем в этом отношении он являлся настолько передовым человеком, что многие идеи его могли бы дать на Западе человеку крупное научное имя. Некоторые научные идеи Каразина, оставленные без внимания в то время, когда он их высказывал, и основательно забытые, только в самое последнее время сделались достоянием науки и считаются справедливо крупным научным завоеванием.

Научная деятельность Каразина была крайне разнообразна. История, современная литература, экономические вопросы и обширная область естествознания – таковы предметы научных занятий Каразина в течение почти сорокалетнего пребывания в деревне. Сообразно такой разносторонности, Каразин является членом разнообразных ученых обществ. В Харькове, при его участии и в значительной мере благодаря его инициативе возникает «Общество наук, состоящее при императорском Харьковском университете». Другое харьковское общество – «Филотехническое» – обязано своим возникновением исключительно Каразину. Как почетный член Харьковского университета Каразин принимает близкое участие в его деятельности, и мы встречаем его речи, произнесенные по разным поводам в университетских собраниях. В то же время Каразин состоял деятельным членом московского «Общества испытателей природы» и петербургского «Общества любителей словесности». Сохранились речи и доклады, читанные Каразиным в этих обществах. В «Обществе любителей словесности» он одно время был помощником председателя.

Некоторые исторические работы Каразина напечатаны в «Молодике на 1884 г.», украинском литературном сборнике, изданном в Харькове в 1843 году. Они касаются прошлого местной жизни и содержат ряд исторических материалов. К историческим изысканиям Каразин обратился уже в конце

своей жизни. В более молодом возрасте он работал над исследованием современного ему положения родного края. Плодом работ в этом направлении явилась «Подробная таблица обстоятельств народонаселения в Слободско-Украинской губернии, на основании 10-летней сложности (с 1808 по 1817 гг.), с обозначением уездов, сел, числа рождений, смертности и браков». Об этом труде мы упоминали уже выше по поводу представления его в 1820 году тогдашнему министру внутренних дел, графу Кочубею, внимание которого он обращал на явствовавшую из таблиц страшную смертность среди государственных крестьян и необходимость принятия мер для устранения ее причин. При этом Каразин высказал, какое серьезное значение должны иметь статистические исследования, которые предрешают государственные мероприятия на благо населения и служат основанием при их осуществлении.

В качестве члена петербургского «Общества любителей словесности» Каразин произнес в 1820 году на его заседании «Рассуждение об ученых обществах и периодических сочинениях в России». Речь эта показывает, что Каразин внимательно следил за современной литературой и был *au courant*^[8] всего в ней. В речи высказываются взгляды на задачи ученых обществ и литературы, которые должны были казаться для того времени революционными, да и для нашего времени небезынтересны. Решаемся привести длинную выписку из «Рассуждения», так как подлинные слова Каразина всего лучше характеризуют эту замечательную личность с рассматриваемой стороны.

«Теперь, когда публика требует занятий более мужественных, нежели мадригалы и вздохи сказочных любовников, какое впечатление произведем мы на нее поэзией, которая только – поэзия, прозою, которая не представляет уму никаких полезных истин?.. Нет, мм. гг., сии почтенные сословия должны иметь возвышеннейшую цель. Они должны *действовать на сердца, на умы сограждан своих*... Не обязаны ли они *развивать полезные знания, образовывать вкус, действовать на нравы*? Сколько вызовов представляется к сношениям между собою отдаленнейших, друг другу неизвестных краев обширной империи! Сколько в ней любопытного, заслуживающего быть известным не нам только одним, но и чужестранцам; у нас, в целой России, нет ни одного периодического сочинения для всех оных предметов, столько необходимых, сколько занимательных! А мы будем преподавать слушателям *шарады на горки*,

соблазнительные элегии и стишки в альбомы!., и, не стыдясь, называться соребнователями просвещения!..

Весьма справедливо, мм. гг., сравнивают жизнь царств, жизнь человечества вообще с жизнью человека в отдельности. Младенец требует игр, юноша забав, а муж – радостей другого рода. В XV и XVI, веках пределы *словесности*, в собственном смысле, весьма резко отделялись от *учености*. Зато ученость эта отзывалась с кафедр и в книгах самым суровым образом. Надменная ее, нахмуренная физиономия ужасала, между тем как смеющиеся музы беседовали приторным языком о безделицах. Но с тех пор, как научились о самых важных, отвлеченнейших вещах говорить приятно, когда блеск красноречия и бесценные перлы поэзии начали одевать философию, собственно так называемая *словесность*, словесность без цели, мало привлекает. *Это орудие, а не предмет искусства; краски, а не картина!* Так и быть должно в настоящее время, в век возмужалости.

Вместо того, чтобы описывать в *десятитысячный раз* *восход солнца, пение птичек, журчание ручейков*, употребим то же дарование, то же счастливое воображение на предметы более дельные. Взяв за образец Бюффона, вместо путешествий небывалых опишем лучше *путешествия, действительно совершённые в недрах отечества нашего. Исчислим естественные произведения России, опишем нравы ее разнovidных обитателей*, от кочующего на льдах полярных чукчи до индийца, благоговейно поклоняющегося бакинскому огню. Или с Тацитом и Карамзиным испытаем углубиться в *историю народов...*

Для поэзии же какое поле перед нами!.. Пора перестать быть *подражателями* только. Ломоносов, Державин, малое число известных новейших драмматиков и баснописцев указали нам богатство отечественных руд у самого лишь входа к ним, так сказать. Сделаем И5 *языка богов* достойное употребление. Вместо того чтобы нежить, баловать воображение людей праздных, не лучше ль испытать рукою граций разбудить в сердцах *любовь к наукам, к должностям* (т. е. нравственным обязанностям), к *изящной простоте во вкусе и нравах, к жизни в городах и селах, свойственной просвещенному человеку, к истинной благотворительности во всяком кругу действия?»*

Это воззвание к тогдашним «соревнователям просвещения» является образчиком того наивного идеализма, который остался присущ Каразину до конца дней. Рекомендовать людям, весь кругозор которых не выходил за пределы детских шарад и воспевания «журчанья ручейков», оставить все эти глупости и заняться «дельными предметами»: описанием родины, естественными науками, технологией, историей и воспитанием в обществе гражданских доблестей – было в высшей степени наивно. Единственным результатом, которого достиг Каразин, явилось крайнее возбуждение против него господ «соревнователей просвещения». После его речи в заседании общества произошла такая бурная и грубо-неприличная сцена, что Каразину оставалось только выйти из членов общества, что он и сделал. «Естественные науки, домоводство, искусства, изделия всех родов» – то, что он рекомендовал «соревнователям просвещения», – и были главным предметом занятий Каразина после выхода в отставку. Любовь к естественным наукам у него явилась еще в юности и не покидала его до самой смерти. В деревне он выписывал множество научных журналов, приобретал все выходящие выдающиеся научные сочинения и таким образом следил за состоянием научных занятий. Вместе с тем он работал сам в различных отраслях естествознания, преимущественно имея в виду практические приложения его. Наибольшею любовью его пользовались метеорология и химия. Немедленно по приезде в деревню в 1804 году он начал метеорологические наблюдения. Наблюдения эти производились почти в течение 40 лет, до самой смерти Каразина. С 1817 года выписки из метеорологических записей Каразина печатались в «Харьковских известиях». Но личными наблюдениями Каразин не мог довольствоваться. Он еще в самом начале XIX столетия пришел к мысли, – которая значительно позднее легла в основу современных метеорологических исследований, – о необходимости организации повсеместных наблюдений над метеорологическими явлениями, для того чтобы получить возможность предсказывать погоду. Мысль эту Каразин высказал в 1810 году в докладе московскому обществу естествоиспытателей; затем она была повторена в 1817 году в «Сыне отечества» и в 1839 году – в «Харьковских губернских ведомостях». Будь эта мысль высказана в Европе, она на полстолетия ускорила бы создание существующей ныне в мире сети метеорологических станций. У нас же эта мысль прошла незамеченною, была забыта и совершенно погибла для науки. Через пятьдесят лет после того, как Каразин впервые высказал публично указанную мысль, она была повторена астрономом Леверье и с восторгом принята ученым миром, послужив могучим толчком к развитию метеорологии и сообщению ей характера

точной науки, равно как и основой организации предостережений для моряков и предсказаний погоды для сельских хозяев. Чтобы показать, до какой степени новейшая организация метеорологических наблюдений тождественна с тем планом, который Каразин развивал еще в 1810 году, и как предугадывал он великое практическое значение метеорологии, которое еще и доселе почти всё в будущем и на которое только слабые намеки имеем мы в настоящем, мы приведем здесь выписки из вышеупомянутого доклада Каразина московскому обществу естествоиспытателей. Для Каразина метеорология была

«наука, которая бы, руководя земледельца в его работах, предотвращала неурожаи; наука, которая, видимо, содействовала бы развитию торговли, мореплавания и военного искусства; наука, наконец, которая могла бы указывать правительству время, когда должно ожидать скудных сборов земных произрастений и принимать меры если не к воспрепятствованию их недостатка, то, по крайней мере, к отклонению голода».

Но чтобы метеорология приобрела такое важное значение, чтобы она стала точною наукою, необходима обширная организация наблюдений, которая дала бы возможность выяснить причины метеорологических явлений и законы, управляющие ими.

«Не дойдем мы, вероятно, никогда до познания первоначальных причин атмосферических перемен, познания, которое бы дало нам возможность производить их по нашему произволу. Но должны ли мы отчаиваться дойти до второстепенных причин этих перемен, узнать способы направлять их на свою пользу и отвращать возможный их вред? Не руководствуется ли уже и теперь земледелец – по одному только преданию и навыку, что такой-то ветер приносит дождь, а такой-то полет ласточек предвещает вёдро, – этими признаками в своих работах?

Собрание таких признаков, соединенное с научными исследованиями, при помощи физических инструментов, не было до сих пор производимо в достаточной степени, чтоб доставить свод правил. *Разрозненность, малочисленность, неодновременность и неточность наблюдений причиною тому.* Если справедливо, что наблюдение, в научном смысле, должно быть непременно всестороннее рассмотрение предмета, что даже

несколько наблюдений тогда только могут привести к желаемым результатам, когда они *обняли все пространство созерцаемого явления; то какое множество наблюдений должно быть сделано для исследования явлений, происходящих на пространстве всего земного шара! Что тут значит один человек? Какую частицу целого может он обнять?..* Все частные наблюдения, если б даже их производили ученейшие и неутомимейшие люди, не приведут ни к каким результатам; они умножат только, может быть, несколькими светлыми идеями массу наших познаний, возбудят наше любопытство и заставят воображение наше строить разные остроумные гипотезы, но не дадут нам данных для вывода точных правил.

В астрономии мы видим уже пользу от постоянных и связанных наблюдений. Нельзя не желать, чтобы подобные же наблюдения были уделом и метеорологии. И какая страна, мм. гг., представляет столько, как наше отечество, средств к тому?

Пространство России, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земного шара; уездные училища, находящиеся в разных ее пунктах, от Колы до Тифлиса и от Либавы до Нижне-Камчатска; подчинение сих училищ одному начальству и обязанность их иметь у себя физические инструменты, все это обещает наблюдениям, производимым постоянно и разумно, счастливые результаты.

Для облегчения наблюдателей можно не обязывать их сноситься письменно самим с их собратьями; довольно, если все записываемое будут присылать они в подлиннике в какое-нибудь общество ученых, которые займутся уже выводом правил... Нет сомнения, что как скоро такие меры у нас будут приняты и неустанно исполняемы хотя один только год, то ученые общества всего земного шара, узнав о них, не преминут принять участие. Командиры судов дальнего плавания будут также содействовать своими наблюдениями. Таблицы, повсюду единообразно составляемые, приведут к разрешению задач тем более не трудному, что в них не будет данных неизвестных...

Я уверен, что если мы будем исследовать ближайшие причины атмосферических явлений, если мы будем делать сравнения в разные времена года и в разных точках земного шара, *направления ветров, изменений магнитной стрелки, тяжести воздуха и количества в нем электричества;* если будем

сопоставлять *периодические перемены погоды с неперiodическими*, которые, однако ж, должны бы иметь также некоторую правильность без влияния каких-нибудь посторонних причин; если будем принимать в расчет *возвышенность наблюдательных пунктов над уровнем моря, состояние их почвы, лесной ли, степной ли, болотистой ли, каменистой ли, песчаной ли, солонцеватой ли и т. д.*; если будем обращать внимание на *действие солнечных лучей при различном их отражении и рефракции*, – то мы дойдем до теории, не подверженной сомнению, которая и даст нам возможность предсказывать погоду на данное время года и на данное место, но за целый год вперед...»

Человек, знакомый с современным состоянием метеорологии, увидит в приведенных отрывках полную программу того развития метеорологии, какое она получила к нашему времени. Каразин указал *цель* метеорологии и выяснил ее важное *значение*; он определил *содержание* этой науки, отметив явления, подлежащие ее ведению, и, наконец, указал *метод исследования* этих явлений, состоящий в собрании и обобщении возможно большего числа одновременных, постоянных и ведущихся по одинаковой программе наблюдений, производимых во всех странах земного шара.

Плодотворные идеи Каразина относительно метеорологии оказались выше понимания тогдашнего общества. Над Каразиным стали смеяться; иные серьезно вообразили, что он предлагает *создавать* погоду. В 1824 году Аракчеев, проезжая через город Богодухов (Харьковской губ.), сказал крестьянам, просившим о помощи по случаю неурожая: «Странно, что вы голодаете: под боком у вас живет колдун (имение Каразина находилось возле Богодухова), который сводит с небес дождь и гром, когда захочет; обратитесь к нему». Еще в 50-х годах один писатель того времени поднимал на смех Каразина, приписывая ему идею «фабрикации» погоды. Каразин имел, однако, утешение встретить при своей жизни хоть одного человека, который понял его идеи и оценил их. Это был знаменитый Гумбольдт, который, во время своего пребывания в России, познакомился с Каразиным и с полным сочувствием выслушивал его широкие научные планы. И как знать, не перешли ли идеи Каразина относительно научной постановки метеорологии через Гумбольдта в западную науку и не явилось ли знаменитое предложение Леверье об организации телеграфных передач результатов наблюдений метеорологических станций, послужившее к превращению метеорологии в практическую науку, отголоском идей

Каразина?

Другая научная идея, которою Каразин еще более опередил свое время, была изложена им в 1818 году в записке «О возможности приложить электрическую силу верхних слоев атмосферы к потребностям человека». Записка эта была составлена по требованию Александра I, который заинтересовался этим вопросом, прочитав статью об электричестве, помещенную Каразиним в годичном отчете основанного им филотехнического общества.

Нет сомнения, что способ, которым Каразин имел в виду обратить на службу человека атмосферное электричество, в настоящее время не выдержит критики, но самая идея о пользовании этим электричеством для практических целей, равно как и указание применений, которые бы могли быть сделаны из атмосферного электричества, свидетельствуют о чрезвычайно широком умственном кругозоре Каразина, крайней пытливости его ума и остроумной изобретательности.

Каразин предлагал устраивать воздушные шары и пускать их в верхние слои атмосферы на шнурах, через которые должна проходить серебряная проволока, соединяющаяся внизу с медным высеребренным шаром. Воздушный шар должен был играть роль собирателя атмосферного электричества, серебряная проволока – роль проводника, а высеребренный шар – конденсатора электричества, своего рода лейденской банки. Таким образом, получался бы громадный электрический прибор, с силою которого не могла бы сравниться ни одна электрическая машина (динамо-машины тогда еще не были изобретены) и при помощи которого, собственно, добывание электричества не стоило бы ни труда, ни расходов. Имея в своем распоряжении подобный снаряд, Каразин полагал возможным изучить роль атмосферного электричества в метеорологических явлениях, воздействие громадной электрической силы на химические образования и разложения и найти способы применения атмосферного электричества к технологии и земледелию.

И эти идеи Каразина были оставлены без внимания и забыты. Записка Каразина была передана Александром I на заключение Академии наук. Здесь она была рассмотрена академиком Фусом, тем самым, которому Каразин когда-то помог с предоставлением места в главном правлении училищ. Этот ученый академик совсем не заметил идеи Каразина о применении атмосферного электричества к нуждам человека и остановился только на предложенном им электрическом снаряде, найдя, что «устройство электроатмосферного снаряда, по проекту Каразина, будет бесполезно, поелику помощью простейших орудий, как-то лейденских банок,

гальванического столба и проч., хотя несколько медленнее, но несравненно легче, надежнее и при меньших издержках добывается такое количество электричества, какое только бывает нужно». С этим заключением ограниченного академика согласился и ученый комитет министерства народного просвещения. Этим дело и кончилось.

Только теперь, через 60 лет, снова приходят к идее Каразина о пользовании атмосферным электричеством. Мы разумею недавние опыты над влиянием на культуру полевых растений атмосферного электричества, сконцентрированного над полем при помощи шестов с металлическими остриями на вершинах. Эти опыты, давшие поразительные результаты в смысле усиления роста и веса культивируемых растений, являются не более чем частным применением общей идеи Каразина, которая еще ждет полной оценки и осуществления в будущем. И если еще и наше время оказывается позади идей, занимавших Каразина, то насколько достойно внимания то обстоятельство, что идеи эти появились 60 лет тому назад, когда естествознание было так младенчески слабо сравнительно с его теперешним состоянием, и каким выдающимся должен был быть ум, додумавшийся до этих идей уже в то далекое время!..

Других научных идей и работ Каразина мы коснемся лишь слегка.

С самых юных лет и до старости его занимал вопрос о химических процессах и превращении в питательные вещества растительных веществ, не усваиваемых организмом. Еще в 1840 году, за два года до смерти, он писал на эту тему в «Харьковских губернских ведомостях» и предлагал основать общество на акциях, которое дало бы средства для производства опытов над превращением древесных веществ в питательные.

Работая над сухою перегонкою веществ для выработки приемов добывания дегтя и бальзамирующих средств, Каразин получил в 1823 году вещество, которое было признано специалистом, профессором Сухомлиновым кристаллическим углеродом, весьма близким к алмазу. Это было за несколько лет до известных опытов Каньяр-Латура и Ганналя над превращением угля в кристаллообразное вещество.

В 1809-м и последующих годах Каразин занимался выработкою новых способов добывания селитры. Опыты его увенчались успехом и дали прекрасные результаты при пробном производстве. Он пытался организовать производство в больших размерах, но личных средств на это у него не было, капиталы частных лиц тогда был редкостью, а попытка получить ссуду из казны окончилась, как было сказано выше, неудачей.

Еще ранее своего селитроварения, а также и после этих опытов, Каразин работал над усовершенствованием винокурения, над кожевенным

производством, над сушением плодов по новому, придуманному им, способу «теплотою водяных паров», над сушением «червеца», т. е. кошенили, над красильными травами, над улучшением приемов добывания масел, вытопки сала, приготовления свечей из воска, добывания извести, приготовления уксуса и разнообразных животных консервов. Каразин работал также над изобретением способов отопления, которые содействовали бы сбережению дров. Занимаясь этим вопросом, он остановился на мысли о «водяном отоплении», т. е. подаче тепла в комнаты при помощи водяных паров, проводимых по трубам. Каразин предлагал применить эту идею для отопления царских дворцов, но его предложение было отклонено. Позднее эта идея была осуществлена в Берлине Кипферлингом, и затем принцип водяного отопления был перенесен и к нам, причем о предложении Каразина никто и не вспомнил.

В области хозяйства Каразин являлся сторонником сельскохозяйственно-технических производств и сбыта концентратов. Эта идея и доселе у нас не оценена по достоинству, а на практике все наше сельское хозяйство основано на производстве и сбыте сырья. Если так обстоит дело в настоящее время, то еще печальнее оно обстояло во времена Каразина. Все хозяйство заключалось тогда в культуре грубых, дешевых хлебов и «грубом» скотоводстве. И Каразин употреблял все возможные старания для пропаганды обращения сельскохозяйственного сырья в ценные концентраты и введения в культуру более ценных растений. В 1815 году, желая убедить харьковских помещиков в возможности заготавливать мясные консервы и сбывать в этом виде мясо за границу, Каразин заказал в Англии три ящика консервов, которые и отправил в кругосветное плавание на одном военном судне. Плавание это продолжалось три года, после чего ящики были доставлены Каразину. Последний в 1818 году в собрании филотехнического общества вскрыл жестяные ящики, сварил на виду у всех заключающуюся в них говядину и угостил ею присутствующих, которые были крайне поражены, найдя, что трехгодичной выдержки говядина нисколько не испортилась.

Как мало подходила вся эта деятельность Каразина к его времени, наглядно показывает то обстоятельство, что ни для одного из спроектированных им предприятий он не мог найти нужных капиталов. Личные же средства его были расстроены еще во время основания Харьковского университета. Что касается государственной поддержки, то насколько мало мог на нее рассчитывать Каразин, ясно видно, кроме указанной выше истории со ссудой для основания селитряного завода, еще из следующего эпизода. В 1813 году, когда русская армия, изгнав из России

Наполеона, вступила в Германию и возник серьезный и затруднительный вопрос о способах обеспечения продовольствием русских войск за границей, Каразин послал комиссионера в действующие части с запискою о снабжении их концентрированным спиртом, сухим бульоном и консервами из овощей для приготовления щей (как известно, вошедшими теперь в употребление во время войн). Почти целый год комиссионер этот ездил за армией, но те, от которых зависело рассмотрение записки Каразина и принятие его предложения, оказалось, никак не могли найти для этого свободного времени, так что наконец комиссионеру надоело толочься без пользы, и он возвратился к Каразину с нечитанной никем запиской.

Неудачи не уменьшали, однако, энергии Каразина, и он неутомимо работал для поднятия хозяйства южной России. Он вводил в культуру новые растения – разные иностранные виды ржи, китайскую пшеницу, испанский ячмень, пропагандировал разведение нового тогда картофеля, брал на себя выписку всяких семян из-за границы, вводил неизвестное тогда на черноземе удобрение, изыскивал меры борьбы с вредными насекомыми, изобрел особый «украинский овин», усовершенствовал «китайский каток» и т. д. Особенно горячо Каразин стоял за распространение садоводства и вообще древесных насаждений. В своем имении он развел обширный сад, а на полях посадил повсюду по межам множество лесных деревьев. Лесоразведению, равно как и охранению существующих лесов, он придавал огромное значение. На эту тему Каразиным было написано несколько статей, где он говорит о необходимости тщательного охранения существующих лесов, о легкости разведения новых и т. д.

Мы лишь слегка коснулись хозяйственной деятельности Каразина и не упомянули многого, чем он занимался в этой области. Человек неутомимый, с широкой энергией, свободный от узости «практических» людей, Каразин хватался за все, в чем видел общественную пользу, и во всем, за что он ни брался, он далеко опережал свой век. Его пыл и преданность вопросам, которыми он занимался, были так велики, что он увлек даже тогдашнее сонное провинциальное общество и соединил вокруг своих проектов группу лиц, образовавших что-то среднее между ученым сельскохозяйственным обществом и коммерческим предприятием.

Это было филотехническое общество, возникшее в Харькове в 1811 году. Учреждая это общество, Каразин имел в виду поднять хозяйство южной России. В изданных им «Мыслях об учреждении филотехнического общества» он такими чертами описывает тогдашнее состояние хозяйства южных губерний: «Поля обрабатываются скудно; хижины напоминают

времена первобытные; с севера выписываются прививки и садовники; грязные винокурни, дымом ослепляющие глаза работников и пожравшие немилостиво большую часть лесов наших, и подобные же им селитроварни суть единственные наши фабрики».

Само собою разумеется, что управителем дел общества был избран Каразин. В сущности, он один и составлял все общество. Остальные члены, число которых доходило до ста, относились крайне пассивно к затеянному делу, довольствуясь участием в собраниях, которые совпадали с ярмарками и на которые смотрели просто как на развлечения, да выражением неудовольствия на управителя дел. Каразин один устраивал «заведения», производил разные опыты, составлял отчеты о них и писал статьи, печатал «Акты» общества, произносил речи в собраниях и показывал членам общества опыты, вроде указанного выше с мясными консервами, и т. д.

Филотехническое общество, просуществовав около 10 лет, закрылось, после того как с «управителем дел» его приключилась неожиданная катастрофа, о которой мы будем говорить в следующей главе.

Глава VII

*Письма к Александру I и записка 1820 года. – Арест и высылка в имение.
– Письмо к императору Николаю*

Удалившись в конце 1804 года в деревню, Каразин посвятил себя всецело местной общественной деятельности, хозяйственным и научным занятиям и заботам о своих крестьянах. Но, как человек, близко принимавший к сердцу судьбы своего отечества, он не мог оставаться равнодушным к тому, что делалось в сферах, управлявших этими судьбами, равно как и к общему внешнему и внутреннему положению России. Полагая, что право, данное ему Александром I, – писать последнему непосредственно, минуя все правительственные инстанции, и говорить ему правду, не отнято у него, несмотря на то, что потеря расположения к нему императора выразилась в весьма реальных фактах, – Каразин считал себя обязанным время от времени пользоваться этим правом и обращаться к Александру I с письмами, в которых выражал свое мнение о происходивших тогда событиях. Так, в 1807 году он написал письмо Александру I по поводу вмешательства России в европейские дела, которое Каразин обоснованно считал в высшей степени пагубным для России. За это письмо, которое, к сожалению, доселе не напечатано, Каразину пришлось высидеть неделю на гауптвахте. Следующие десять лет Каразин, по-видимому, ни разу не обращался к императору. Можно думать, что неисполнение тех надежд, которые Каразин вместе со многими другими возлагал на Александра I при его восшествии на престол, разочаровало его в императоре. В 1817 году Каразин, однако, снова пишет письмо к Александру I, возмущенный несколькими фактами, которые позволило себе тогдашнее реакционное правительство, вроде высылки за границу престарелого профессора Харьковского университета Шада за либеральные идеи. В письме этом Каразин объяснял подобные факты изменническим отношением к России сильных тогда людей, которые желали подобными деяниями повредить достоинству и чести России. Понятное дело, что такого рода письмо не могло понравиться ни Александру I, в это время все более и более склонявшемуся к реакции, ни тем сильным людям, которых Каразин обвинял в измене. Но еще более сильное неудовольствие должен был навлечь на себя Каразин письмом, написанным Александру I в 1820

году, и объяснительною к нему запискою, составленною по требованию императора. В письме этом Каразин «говорил правду» Александру I с такую бесцеремонною и смелою прямою, которая становится просто удивительною, если принять во внимание тогдашнее мрачное время – время господства Аракчеевых и Магницких.

Тяжелое время переживала тогда Россия. Все либеральные начинания Александра I превратились в «забытые слова». Всё, что в начале царствования этого императора было покровительствуемо им, теперь строго преследовалось. Место религиозной свободы заняли религиозные преследования. Крестьянский вопрос был сдан в архив. «Вольный дух» преследовался в самых невинных его проявлениях. В университетах царили Магницкие и Рунич; в армии свирепствовал Аракчеев, создававший чудовищные «военные поселения»; в центральном правительстве главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежнего либерального направления и мракобесы – мистики и формалисты. Печатное слово было задавлено. Повсюду царило шпионство. Ловкие люди пользовались случаем и ловили рыбу в мутной воде. Злоупотребления всякого рода сделались открытыми. Воровство совершалось на виду у всех. Притеснения сильными слабых не находили никакой узды. Всякая попытка противодействовать такому порядку вещей оканчивалась самым печальным образом для смельчака. Словом, это была обычная картина всякой реакции, вызывающей на арену жизни все темные элементы общества, при других условиях скрывающиеся во тьме и теперь преследующие все светлое.

Интеллигентная часть общества, которою тогда было почти исключительно высшее дворянство, разочарованная в своих ожиданиях, с которыми реальность была в полном противоречии, частью впала в мистицизм, перешедший затем в ханжество, частью, напротив, перешла к заговорам и тайным обществам. Тайные общества, возникшие еще при Екатерине (масоны и мартинисты) и имевшие немалое распространение, несмотря на преследование, послужили корнями, дававшими побеги опасного свойства. В первую половину царствования Александра вступление в тайное общество имело характер моды и свидетельствовало до известной степени о хорошем тоне. Занятиями этих обществ являлись безобидные масонские церемонии, давно отжившие свой век и только отчасти имевшие некоторое нравственное воздействие на членов. Но, по мере того, как реакция усиливалась, среди тайных обществ началось движение иного рода. Тайные общества делаютя центром оппозиции и средоточием сторонников тех самых идей, за которые стоял Александр I

при вступлении на престол, и их дальнейшего развития. О таком направлении в тайных обществах знали все, до известной степени было осведомлено и правительство. Но в новом движении принимало участие слишком много членов влиятельнейших фамилий: часто ими оказывались лица, занимавшие видное официальное положение, – и потому новые тайные общества оставались пока вне преследований, возбуждавшихся тогда против всякого малейшего проявления либерализма. Все те, кому через шесть-семь лет пришлось так жестоко пострадать, оставались пока в полной безопасности. Каразин, состоявший в непосредственных отношениях с реальной жизнью, слишком близко чувствовал весь гнет тогдашнего положения вещей. Вместе с тем общее недовольство, царившее тогда во всех слоях общества, начиная с крепостных крестьян и кончая высшей аристократией, наводило его на мрачные размышления. Ему начинало казаться, что Россия накануне тех потрясений, которые постигли в конце 80-х годов предшествующего столетия Францию. И вот он в начале 1820 года отправляется в Петербург, выражает свои опасения сперва министру внутренних дел, которым в то время снова был граф Кочубей, а затем и самому Александру I.

Письмо свое императору Каразин начинает заявлением, что оно будет «последним отзывом верного подданного», что он пишет императору последний раз. Он умоляет императора обратить внимание на его предостережения, причем ссылается на тождество своих опасений с мыслями какого-то совершенно неизвестного ему купца Рогова, письмо которого незадолго перед тем читал ему князь Масальский. «Нельзя не привести на память, – писал Каразин, – что *точно так* из разных мест отзывались во Франции отголоски благонамеренных пред наступлением губительного переворота и *точно так* были пренебрегаемы».

Прочитав это письмо, Александр приказал графу Кочубею потребовать от Каразина, чтобы он «указал обстоятельства, о которых говорил, подкрепил бы их доводами и назвал самые лица, от коих имеет те или иные сведения».

Каразин воспользовался этим требованием императора для того, чтобы изложить целый ряд мыслей о необходимых реформах при тогдашних порядках (мысли эти, насколько они уцелели в опубликованных отрывках составленной тогда Каразиным записки, мы привели выше, в главе II), изобразить целый ряд царивших тогда злоупотреблений и восстать против господствовавшей реакции. Что касается указания лиц, которого требовал император, то Каразин категорически заявил, что «совесть его возмущается от одной мысли о таком предательстве всех благородных чувствований»,

и недоумевал: «Неужели нашему благодетельнейшему Александру пожелать убить политически верного и уважаемого им, некогда любезного ему человека („довольно, что он... был окружен шпионами в приезд свой в здешнюю столицу“) и опозорить допросами лиц, достойных его уважения».

Записка, составленная Каразиным в ответ на указанное требование Александра I, состоит из нескольких тетрадей, которые он немедленно представлял графу Кочубею по мере написания их. Это – спешный, на скорую руку составленный, лишенный всякого плана и довольно бессвязный труд, оставшийся к тому же неоконченным.

Выше мы уже пользовались запиской 1820 года для характеристики политических воззрений Каразина, хотя, к сожалению, относящиеся сюда места были большей частью выпущены при напечатании записки в «Русской старине», так что воззрения Каразина продолжают оставаться далеко не вполне выясненными. По счастью, те места, которые относятся к изображению тогдашнего положения России, опубликованы достаточно полно, и мы воспользуемся ими здесь. Эти места записки в высшей степени любопытны и как материал для знакомства с тогдашним положением вещей, и как свидетельства прямоты и гражданского мужества Каразина.

Прежде всего записка вооружается против религиозных гонений, поднятых тогда. «Не только все состояния народа, – пишет Каразин, – но все вероисповедания как будто нарочно оскорбляются и раздражаются в таком государстве, которое с незапамятных времен было образцом терпимости, и от имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политике свойственно быть примером общего человеколюбия». В подтверждение сказанного Каразин приводит целый ряд фактов, вроде высылки Буссе за напечатание лютеранского гимна, назначения католического епископа против правил и желания католиков, оставления католических епархий без епископов, конфискации духовных имуществ, запрещения евреям держать христианскую прислугу, могущий служить только для «привязок низших чиновников полиции, которых алчности подобный закон может каждый день давать пищу», и т. д.

Осудив религиозные гонения, записка восстает и против покровительства мистицизма. Каразин категорически осуждает «направление умов к таинственности религии вместо простоты» и указывает на вредные последствия этого направления. Вместе с тем он вооружается против деятельности «Библейского общества», игравшего тогда такую видную роль в нашей общественной жизни. Он говорит: «Легко доказать, что о сию пору уже могло быть напечатано более книг Св. Писания, нежели сколько есть грамотных людей в России, которых число

далеко не доходит до сотой доли народонаселения. С остальными же экземплярами что делать? Куда разойдутся, напр., 6000 экземпляров Евангелия на немецком языке и проч.?» Он восстает против того чрезвычайного значения, которое придавалось тогда распространению Библии – в чем видели спасение от всех бед.

«Сие чтение (Библии), – говорит Каразин, – одно не умножает добрых нравов. Доказательством тому наше духовенство, которое, по необходимости обращаясь с Библией каждый день, есть один из развращеннейших классов народа... Ежели государь удостоит меня употребить к составлению правдивой статистики империи, то между прочим, сличив сведения о числе преступников до введения сего подражания англичанам, с числом оных *после* (в то же число лет), надеюсь доказать решительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мерою. К тому же в это дело замешались корыстные цели и злоупотребления. Общество или его комитет, имея о сию пору в обращении капитал, который может приносить верных процентов сто тысяч рублей, если не более, постоянно жалуется на недостаток средств... Одним из значительных неудобств от учреждения как сего библейского, так и человеколюбивого обществ есть похищение капиталов из внутренности империи, которая и без того слишком оными скудна в сравнении с всепоглощающею столицею».

Далее Каразин указывает на «вредную систему, которую ввели иностранцы в министерство финансов» и которая «ведет к государственному банкротству, обогащая только спекулянтов»; на «вредное направление, которое взяло просвещение» (система Магницкого и присных ему); на «подрыв привязанности к начальству войска и народа, совершаемый разными путями» (объяснение этому ниже – в словах по поводу истории в Семеновском полку); на «отношения поселян к их помещикам» (соответствующие места записки приведены выше, в главе V). Затем он подробно останавливается на злоупотреблениях, царивших тогда в морском министерстве, рисуя яркую картину хищничества и запустения. «Миллионы расхищаются без малейшей пользы для государства! – восклицает Каразин. – В главном порте и доке – в Кронштадте – развалившиеся здания и гниющие корабли. Эскадра, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащения одного корабля для другого.

Зато матросов учат маршировать и тому подобным штукам».

Во время составления Каразиным записки произошло событие, наделавшее в то время много шума и крайне раздражившее Александра I, – неповиновение лейб-гвардии Семеновского полка. Каразин не побоялся стать на защиту солдат, которым готовилась страшная судьба. Он тут же пишет в своей записке, что данное событие

«само по себе не так страшно, как некоторые здесь воображали, говорили и как, может быть, донесли государю. Напротив, из него-то я вижу во всем блеске благороднейший характер бесподобного русского народа и что, взяв надлежащие меры, можно еще спасти его от всеобщей заразы. Что ни сделано для его развращения, оно не совершилось еще в той степени, как желают наши враги!.. Соппротивление власти было только отрицательное, то есть одно то, которое христианский закон позволяет в крайних случаях. Русский еще не способен к прямым бунтам. Это адское изречение ему еще неизвестно! С прекрасным, верным, некогда любимым полком поступлено без снисхождения. Он отдан тирану, перекресту из евреев.^[9] Его жестокости были не только тяжки, но и отвратительны: показывали явное презрение к достоинству человека, которое в последнем солдате должно быть свято сохранено. (Напр., сказывают, что он приказывал плевать в рот солдатам, ходил к женатым в спальни ночью и пр.). Ибо куда будет годиться воин, если истребить в нем чувство чести, невзирая на то, что он до некоторой степени должен быть орудием (машиною?). Жалобы были приносимы неоднократно. Наконец они решились поротно просить об удалении начальника. Единодушные все полка в сей упорной просьбе, в настоянии о ней, составляет, можно сказать, всю его вину. Никто из такого множества людей не имел при себе оружия, никто не произнес ни слова, которое могло бы иметь значение угрозы. Первую роту обманом залучили и взяли в крепость. Прочие, даже и сим не оскорбясь, добровольно пошли за нею – в одних шинелях, – желая разделять наказание за общую вину. Какая черта среди беспорядка против дисциплины!.. О, народ единственный! Я становлюсь пред тобою на колени; слезы наполняют глаза мои. Я горжусь тем, что к тебе принадлежу!..»

Чтобы оценить по достоинству эту тираду Каразина, надо иметь в виду

как общее тогдашнее положение дел, так и, в частности, отношение самого Александра I к данной истории. В письме к Аракчееву по поводу этой истории император говорит: «Никто на свете меня не убедит, чтобы сие происшествие было вымыслено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца. Он был всегда за хорошего и исправного офицера и командовал с честью полком. Отчего вдруг сделаться ему варваром? По моему убеждению, тут кроются другие причины. Внушение, кажется, было не военное, ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье, чего никто из них не сделал, даже тесака не взял... Я его (внушение) приписываю тайным обществам; которые все в сообщениях между собою и коим весьма неприятно наше соединение и наша работа в Тропау». (Император находился в то время в Тропау на конгрессе, который имел в виду главным образом борьбу с революционными движениями.) Семеновский полк был отправлен в финляндские крепости и распределен затем в разные части армии.

В истории с Семеновским полком Каразин увидел одно только поучение: «Время заменить религиозное к престолу почтение другим, основанным на законах».

«Государь! – добавляет он. – Не всем верьте поклонам и речам, которыми вас встречают губернаторы, которые, может быть, говорят: „Все еще благополучно, все еще по-прежнему!“ Великая перемена произошла и происходит в умах. Множество причин на сие действует, и день он яко тать придет! Правительство само способствует тому всеусильно... Я назову только одно: рекрутский нынешний набор. Невероятно, сколько подвинул вперед общественное мнение набор сей, производимый без очевидной для народа нужды по его необыкновенному количеству и в такое время, когда треть России, можно сказать, уже приведена в уныние недородом нынешнего лета...»

Далее Каразин указывает на необходимость реформ, дабы предупредить казавшиеся ему неизбежными потрясения.

«Теперь же, – говорил Каразин, – народ, пробуждаясь от своего невежества, начинает сопрягать вместе понятие о правительстве с понятием о насилии, грабеже и т. п. Чего ожидать? Хотят успокоить его Библиями, но он их не читает, не

умеет читать, долго не научится и редко имеет к тому досуг. Притом люди злонамеренные именно из них самих извлекают тексты противу монархической власти, если будет в том состоять нужда. Ничего нет сильнее и к сему способнее некоторых мест...» «Словом, благородное наше юношество и народ, который также выходит уже из детского возраста, стоят в настоящее время на самом опасном распутий. Одно мгновение – и они пойдут на тот или другой путь невозвратно!.. *Не самовластные меры, не подслащенные слова, не тонкости французской полиции* тут потребны – все это даст совсем противный оборот делу! – но *честность, строгая честность* (loyauté), систематический план, основанный от первой буквы до последней на началах христианского монархического правления!..»

Последствия всех этих указаний по адресу Александра I были именно те, которых ожидал Каразин. Именно в одной из последних тетрадей своих записок он говорит об ожидаемой им «ссылке за Байкал», «пока еще ссылать можно». Непосредственно после написания Каразиным 7-й тетради его записки он был арестован и отправлен в Шлиссельбургскую крепость. Здесь он пробыл в заключении шесть месяцев, после чего был отправлен с фельдъегерем в свое имение Кручик, где он должен был жить безвыездно, не переписываясь ни с кем иначе как через губернатора...

Шесть с лишним лет прожил Каразин в своем имении на указанном положении. Перемена царствования возбудила в Каразине надежду на возможность выйти из того невыносимо тяжкого состояния, в котором он находился. А положение это было особенно невыносимо для Каразина при его энергии, жажде деятельности и привычке к ней, при его обширных всегда знакомствах, при "переписке со множеством лиц, что теперь поневоле должно было прекратиться. Однако события, имевшие место в начале царствования Николая I, мало подавали надежды на то, чтобы его обращение с просьбой к новому императору имело успех. Сначала жена Каразина обратилась к государыне, прося ее заступничества. Однако на это письмо-просьбу последовал решительный отказ императора смягчить участь Каразина. Вскоре после этого ото всех потребовали подписку о непринадлежности к тайным обществам, и при этом Каразину было разрешено объяснить в письме на имя государя свою несчастную историю. Каразин изложил все обстоятельства дела и хотел отправить письмо по адресу государя. Намерение это привело в ужас семейство Каразина,

ожидавшего от такого шага лишь ухудшения своего положения. Два письма Каразина к Николаю I были перехвачены и немедленно уничтожены его семейством. Тем не менее Каразину удалось послать третье письмо. В нем он старается объяснить, что пострадал в 1820 году совершенно безвинно, что ни в его письме 1820 года к Александру I, ни в вызванной этим письмом записке не было ничего преступного, в подтверждение чего прилагает копии с означенных документов.

«Я хотел всеусильно, – пишет Каразин, – и сколько от ничтожного, частного человека зависит, предупредить – не только казавшуюся мне близкою тогда, но и все возможные впоследствии революции, обратив внимание государя—недеспота на противоречия между разливающимся чрез все сословия в народе просвещением и формами правления, которые могли быть приличны прошедшим лишь векам, – противоречия, которые необходимо производят и всегда будут производить одно действие».

После этого места следует горячая тирада о невозможности «остановить колесо или дать ему противное движение» – тирада, уже приведенная нами выше, при характеристике политических воззрений Каразина.

Само собою разумеется, что такая просьба, представлявшая собою апологию тех самых воззрений, за которые Каразин попал в Шлиссельбургскую крепость, мало могла рассчитывать на успех, особенно если принять во внимание тогдашние обстоятельства. Это понимал и сам Каразин, который говорит в своем письме: «Для того, может быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, представить ее во всей наготы». Однако, вопреки этому опасению, император Николай, прочитав письмо Каразина и приложенные к нему документы (копии с письма к Александру I и записку, писанные в 1820 году, и некоторые другие), приказал разрешить Каразину выезжать из его имения, с тем, однако, чтобы он не имел права приезжать в Петербург. Последнее ограничение тяготело над ним до самой его смерти.

Глава VIII

Последний период жизни и смерть Каразина. – Вопрос о памятнике

После освобождения от стеснительного положения, в котором Каразин находился с 1821 по 1826 годы, он опять повел ту же жизнь, какую вел со времени выхода в отставку в 1804 году. Попечение о своих крестьянах, научные занятия, хозяйственные опыты, пропаганда научных знаний и гуманных понятий в печати и в личном общении, обширная переписка – вот что наполняло его жизнь. Отношения его с местным обществом всегда были наилучшими, и общество не раз выражало ему свое уважение весьма внушительными фактами. Еще тогда, когда он был молодым человеком, – в 1801 году, местное дворянство избирало его своим депутатом для ходатайства о подтверждении привилегий Слободско-Украинской губернии. В 1819 году он снова был избран депутатом для той же цели. Даже в 1824 году, когда Каразин не имел права выезда из своего селения, он был избран дворянством в совестные судьи, но не был утвержден в этом звании. Вскоре по получении права выезда из имения, в 1828 году, Каразин был выбран дворянством в председатели палаты уголовного суда, но снова не был утвержден. Были и другие, более существенные факты, выражавшие то уважение, каким пользовался Каразин в местном обществе. Укажем на следующий любопытный факт. Долги, сделанные Каразиным в 1802–1804 гг. при основании Харьковского университета и затем увеличенные вследствие многочисленных опытов и начинаний Каразина, на которые требовалось немало средств, служили постоянным бедствием, преследовавшим Каразина до самой могилы. В 1833 году дела Каразина дошли до такого печального положения, что его готовились объявить несостоятельным. Тогда к нему пришли на помощь местные университет и городское общество. Профессора и преподаватели университета, как сказано в официальном письме к председателю гражданской палаты суда, «не могли остаться в равнодушном бездействии при сем, столь близком для них, обстоятельстве (невозможности для Каразина внести в срок 2384 рубля в пользу одного из кредиторов, обратившегося со своим требованием в суд); но движимые сердечною благодарностью и уважением к г-ну Каразину как первому и единственному виновнику основания здесь университета, в котором большая часть из них получила образование свое,

в котором вместе с сим открыто им завидное поприще передавать образование молодым людям и тем принести усердную дань благоговения согражданам своим, просят взнестъ в помощь г-ну Каразину собранную ими сумму» —1280 рублей. *Это* едва ли не единственный в своем роде факт в жизни наших университетов. Городское общество, в свою очередь, внесло в гражданскую палату 1200 рублей за Каразина, «чувствуя труды и представительства В.Н. Каразина пред престолом об учреждении в Харькове университета, который распространил свои учебные отрасли, чрез что Харьков улучшил свое положение, а торговый класс возвысил свое состояние».

Всякое общественное дело, начинавшееся на родине Каразина, немедленно находило в нем горячего участника. С 1838 года в Харькове стали выходить «Губернские ведомости», и Каразин сделался деятельным сотрудником, успев поместить в них за короткое время до своей смерти (в 1842 году) двадцать статей, посвященных самым разнообразным предметам. Тут были и научно-популярные статьи – по химии и метеорологии; и статьи технического содержания – «О жжении угля с расчетом», «Способ выгоднейшего и безопаснейшего отопления зданий», «О заготовлении дров», «О приготовлении дерева на столярную работу»; и хозяйственные – «О посадке картофеля в полях», «О лесоводстве или лесоразведении», «О торге за границу хлебными спиртами»; и общественно-публицистические – «Об открытии палаты государственных имуществ», «Нечто о кадастре», «О содержании рек в городах»; и педагогические – «О воспитании женского пола в низших состояниях»; и посвященные разным местным событиям и т. д.

Но, отзываясь горячо на все нужды и вопросы жизни своей родины, понимая под нею Харьковскую губернию или даже Малороссию вообще, Каразин в то же время постоянно интересовался судьбами всего юга России и по мере сил и возможности работал для его процветания.

Его хозяйственные опыты имели в виду вообще условия хозяйства Южной России, а его печатные работы в большинстве случаев также относились ко всему Югу. Особенно занимал его Крым со своею богатой природою. Еще в 1804 году, в записке о сербах, о которой было сказано в своем месте, он выражал свою скорбь о Крыме, «который мы превратили в пустыню из прекрасной и многолюдной страны, какою он был у турок». Перед концом своей жизни он снова обратил внимание на Крым, и ввиду того, что самое важное производство Крыма, дававшее ему наибольшую прибыль, – виноделие – находилось тогда в самом жалком положении, Каразин занялся вопросом о лучших способах приготовления вина. Ему

удалось, после ряда опытов, установить условия, при которых брожение совершается наиболее благоприятным образом, т. е. с наименьшею потерей спиртовых и ароматических веществ, и он обратился к правительству с сообщением о своем открытии. Тогда ему было предложено отправиться в Крым для производства опытов в больших размерах. Плодом этой поездки явилась записка «Беспристрастный взгляд на южный берег Тавриды и на его произведения», оконченная Каразиным за несколько дней до смерти. В записке этой он между прочим подверг критике практиковавшиеся тогда меры для насаждения и поднятия крымского виноделия, которые действительно были по меньшей мере странны. «Изддерживаются 15 т. рублей на Никитский сад и его винодельное училище, – писал Каразин, – и за это отправляется ко двору ежегодно 50 бочонков винограда – с 50 тысяч кустов». О магарачской школе виноделия он сообщает самые печальные сведения, не стесняясь, верный своему обыкновению говорить правду, как она ни резка и ни неприятна. Школа существовала уже 14 лет, а из нее не вышло еще ни одного дельного садовника. Ученики были исключительно трактуемы как рабочая сила. Не только о научном образовании, но даже об обучении грамоте учеников никто не думал, хотя на это были ассигнованы нужные суммы. Словом, это была школа, совершенно подобная тем современным сельскохозяйственным школам, которые учреждаются частными землевладельцами и служат только для снабжения имения даровою рабочею силою и предлогом для получения субсидии от казны. Каразин представил в своей записке ряд соображений о мерах к действительному улучшению положения крымского виноделия; но мы не будем останавливаться на них, так как это предмет специального характера, а наша работа и без того разрослась.

В 1839 году Каразин отозвался по поводу одного общерусского вопроса, составлявшего тогда злобу дня, да и доселе являющегося крупным вопросом русской жизни. Мы имеем в виду польский вопрос. Он составил особую статью, которую думал поместить в «Journal de S.-Petersbourg» или в «Journal des Débats». Однако по каким-то причинам статья не была напечатана.

Этот эпизод с польским вопросом показывает, что Каразин до последних дней своей жизни, уже в глубокой старости (в 1839 году ему было 66 лет, а во время поездки в Крым 70 лет) сохранял чуткий интерес к общим вопросам русской жизни, равно как и к жизни Европы вообще. По-прежнему он получал множество журналов и книг и по ним следил за состоянием наук и ходом жизни. «Его библиотека, – по свидетельству современника, – обнимала, как и он сам, все отрасли человеческих

знаний». В 1836 году эта библиотека пострадала от пожара, причем сгорело до 5 тысяч томов и множество рукописей. Григорий Данилевский вспоминает, как он, будучи шестилетним мальчиком, видел Каразина, худого седого старика, заехавшего в зимний бурный вечер на хутор его отца и плакавшего при рассказе о гибели своей библиотеки. Во время этого пожара погибли также мемуары Каразина за время до 1821 года, которые, без сомнения, явились бы ценным материалом как для биографии самого Каразина, так и для характеристики его времени. Остались только семь томов, относящихся ко времени, начиная с 1821 года. Обширность мемуаров станет понятно ввиду необычайной широты отношений, которые Каразин имел с самыми разнообразными лицами, и разнообразия и многочисленности затевавшихся им предприятий. Переписка его была чудовищно громадна и доходила до 1200 писем в год. В семействе его доселе сохраняется множество писем, писанных к нему почти всеми выдающимися людьми его времени.

Письма эти должны представлять, понятно, громадный интерес. С собственных писем Каразин постоянно сохранял копии, которые снимались немедленно по написании его грамотными слугами...

Так жил этот замечательный человек до 70 лет. Смерть настигла его в самом разгаре деятельности, которая никогда не прекращалась. Объезжая осенью 1842 года Крым по тогдашним непроезжим дорогам, чтобы выполнить вышеупомянутое поручение об опытах над улучшением способов приготовления вина, он простудился при езде на перекладных в дождливую погоду, возвращался оттуда уже больной и, добравшись до Николаева, умер там 4 ноября.

Мы не вдаемся здесь в оценку личности Каразина, его характера, убеждений и значения его деятельности, полагая, что такая оценка вполне правильно может быть лишь тогда, когда публикация всех относящихся к биографии Каразина материалов заполнит существующие в ней пробелы. Думаем, однако, что и приведенного в нашей работе достаточно для того, чтобы признать Василия Назаровича Каразина одной из замечательнейших личностей первой половины XIX века. Он заслуживает самого серьезного внимания и глубокого уважения и как человек, так много сделавший для просвещения России, и как деятель по «крестьянскому вопросу», и как местный деятель, работавший для процветания юга России, и, наконец, как ученый. К сожалению, наши сведения о Каразине во всех выше указанных отношениях слишком не полны. Что касается личной жизни Каразина, то имеющиеся о том сведения настолько ничтожны, что мы предпочли совсем не затрагивать этой стороны его жизни, предоставляя ее будущему

биографу, который наверняка станет располагать более полными сведениями.

Совершенное забвение, которое выпало на долю Каразина со стороны всего русского общества, было разделено и местным харьковским обществом. Только через 20 лет, в 60-е годы, о Каразине вспомнили наконец в местном обществе, но только как об основателе Харьковского университета. Именно 17 января 1865 года, когда исполнилось 60 лет со времени фактического открытия Харьковского университета, на устроенном по этому случаю обеде вспомнили о Каразине, причем застольные ораторы завели речь о необходимости поставить ему памятник в Харькове на площадке университетской горки и объявить премию за составление его биографии. Разговоры эти остались, однако, разговорами, и только в 1873 году, когда исполнилось сто лет со дня рождения Каразина, а вместе с тем 70 лет со времени указа об основании Харьковского университета, последний порешил почтить память своего основателя и открыть для получения нужных средств подписку. Подписка эта в скором времени и была открыта. Местное губернское земство ассигновало на памятник 5 тысяч рублей и, кроме того, 6 тысяч рублей на учреждение в Харьковском университете стипендии имени Каразина. Однако и теперь, через 18 лет, памятника все еще нет. Очевидно, до сих пор подписка не дала нужной суммы.

Нам думается, что, принимая во внимание характер Каразина, пренебрегавшего всегда внешними почестями, равно как и характер его деятельности, всегда направленной к действительной, существенной для ближних, пользе, чествованию памяти этого замечательного человека всего менее приличествует выразиться установкой «мертвого» памятника. Такой памятник должен быть живым, и им всего естественнее было бы создание какого-либо учебного заведения, отмеченного его именем, – ввиду того значения, которое он придавал народному образованию, и того содействия, которое он оказал насаждению просвещения в России.

Источники

1. *Г.П. Данилевский*, Украинская старина. Харьков, 1886.
2. «Русская старина», 1870, кн. 3; 1871, кн. 6 и 7; 1872, кн. 9; 1873, кн. 2, 3 и 4; 1875, кн. 2 и 5. Разные документы и мелкие заметки, касающиеся жизни и деяний В.Н. Каразина.
3. «Чтения в Обществе истории и древностей», 1866, № 3.
4. «Современная летопись», 1865, № 16.
5. *Лавровский*. Воспоминания об основании Харьковского университета. – «Журнал министерства народного просвещения», 1872, № 1 и 2; 1873, № 2.
6. «Русская старина», 1875, кн. 4, 9, 10 и 11. Воспоминания об основании Харьковского университета.
7. *Сухомлинов*. Материалы для истории образования в России при Александре I.
8. *А.Н. Пытин*. Общественное движение при Александре I, 1871.
9. *В.И. Семевский*. Крестьянский вопрос в России в XVIII и XIX вв.

notes

Примечания

В 1797 году было запрещено употребление слов: обозрение (вместо него повелено употреблять осмотрение), врач (вместо него лекарь), выполнение (исполнение), пособие (помощь), преследование (посланной —? — в погоню), сержант (унтер-офицер), граждане (жители или обыватели), отечество (государство), приверженность (привязанность или усердие), стража (караул), степень (класс), отряд (деташемент или команда); слово «общество» совсем изгонялось из русского языка — без замены каким-либо другим.

Начало этих пожеланий, в размере 54 строк «Русской старины», где напечатано настоящее письмо Каразина, доселе не увидело света.

бескровельные, т. е. без кровли (В. Даль)

4

неразлучные (фр.)

благих пожеланий (*лат.*)

Вопрос о женском образовании занимал Каразина всегда, и он почти накануне смерти напечатал в «Харьковских губернских ведомостях» (1841 г., № 3) заметку «о воспитании женского пола в низших состояниях».

горячая голова (фр.)

в курсе, на уровне (фр.)

Речь идет о полковнике Шварце – человеке, который доводил фруктовую науку до мучительства, а в наказаниях являлся виртуозом жестокости и отвратительной гнусности.